ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 11 (3040) Суббота, 24 января 1953 г. Цена 40 коп.

Литературные альманахи

В нашей стране только на русском языке выходит сейчас свыше семидесяти литературно-художественных альманахов и сборников, издаваемых областными и краевыми отделениями Союза писателей и литературными объединениями. Десятки таких изданий выпускаются в союзных и автономных республиках на различных языках народов СССР. Неоспоримо велико значение этих альманахов и сборников в формировании новых писательских кадров, в развитии художественной литературы на местах, в осуществлении высоких задач, стоящих перед советскими литераторами, особенно сейчас, в свете исторических решений XIX съезда партии Ленина—Сталина.

Альманахи — **очаги литературы на местах, реальные показатели уровня развития литературного творчества.** Еще на Первом всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький в своем докладе подчеркивал серьезное значение периферийных альманахов и литературных сборников, свидетельствующих «о глубине культурного процесса в массе народа».

С тех пор альманахи воспитали и выдвинули в литературу широко известных ныне писателей, как С. Бабаевский, Е. Поповкин, М. Соколов, Г. Марков, К. Седых, В. Попов, В. Закруткин, и других художников слова, чьи произведения удостоены Сталинской премии.

А сколько еще молодых одаренных прозаиков и поэтов «открыли» нам местные альманахи! Читатели узнали и полюбили талантливого писателя В. Фоменко по рассказам, опубликованным в ростовском альманахе «Дон». Там же была впервые напечатана повесть «Наш корреспондент» А. Гончарова, появившаяся затем на страницах журнала «Октябрь» в минувшем году. Альманах «Эстония» выдвинул Ф. Эйнбаума с известной повестью «В курортном городе». Появлению поэмы Н. Соколова «Именем жизни» в журнале «Знамя» предшествовала многолетняя работа с поэтом редколлегий ярославского и костромского альманахов. В Воронеже вырос, как литератор, К. Локотков — автор романа «Содружество»...

Отмечая безусловные успехи ряда альманахов, нельзя, однако, закрывать глаза на то, что **значительное число литературно-художественных альманахов и сборников находится еще на низком идейно-художественном уровне.** Сказанное тов. Г. М. Маленковым в докладе на XIX съезде партии о появлении в печати «посредственных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, искажающих советскую действительность», полностью должно быть адресовано, в частности, и редакциям некоторых альманахов. Находясь поистине в самой гуще жизни, авторы произведений, напечатанных в альманахах, часто подменяют жизнь надуманными, ходячими схемами.

Отличительными чертами этих стандартных литературных произведений, будь то проза, поэзия или драматургия, являются прежде всего некая боязнь правдивого изображения противоречий, сложности окружающей жизни, робость в раскрытии столкновений человеческих характеров и чувств, неумение авторов выделить типическое новое из обыденного, массового. Богатый духовный мир советского человека, его счастье, горе, радости и страдания заменяются условными «знаками» и «приметами» времени. Жизнь героя зачастую рассматривается только с производственной точки зрения.

Авторы и редколлегии альманахов привыкли к таким, с позволения сказать, литературным понятиям, как «роман о животноводстве», «стихи о лесонасаждениях», «рассказ о железнодорожном транспорте» и т. п. При ближайшем знакомстве с такими произведениями воистину оказывается, что это романы, повести, стихи, пьесы не о людях, а главным образом о технических, медицинских, агрономических и всяких иных проблемах.

Никто не спорит — у нас есть множество существенных проблем, выдвигаемых новаторами науки, промышленности и сельского хозяйства, и эти проблемы какими-то своими главными сторонами, конечно, входят в ткань художественного произведения, как часть подлинно творческого деяния человека-труженика. Но сводить суть романа или поэмы только лишь к этому, а еще того хуже — к простой популяризации технологических процессов производства — значит слишком уж обеднять наши представления об окружающем мире, о жизни советских людей. Ведь иногда «идея» такого произведения нуждается не в художественном изложении, а скорее в публицистическом, здесь нужны не романы и стихи, а статьи и брошюры.

Вот, например, недавно редколлегия альманаха «Забайкалье» (Чита) опубликовала повесть П. Ященко «За Байкалом», которая, говоря кратко, посвящена... борьбе против «подсосного метода» выпойки телят. Слов нет, есть и такое, между прочим, устарелое дело в нашем животноводстве, и, вероятно, оно нуждается в известном освещении в зоотехнической литературе. Но при чем тут художественная литература? Ведь у тов. Ященко, вольно или невольно, коровы и телята заслонили живых людей, колхозников и колхозниц,— настоящих героев его повести.

Альманах «Прикамье» (г. Молотов) напечатал в последнем номере повесть А. Спешилова, в которой молодой автор больше рассказывает о технике лесозаготовок, нежели о людях. В красноярском альманахе опубликован роман опытного писателя Н. Устиновича «Маяк в степи». Этот роман выглядит скорее своеобразным справочником по колхозному производству, нежели художественным произведением.

Еще чаще в альманахах и сборниках появляются просто сырые, недоработанные рассказы, повести и стихи, которые говорят о том, что редакции многих альманахов крайне невзыскательны к авторам и к своей редакторской работе. Дает себя знать ложное представление, будто альманахи рассчитаны прежде всего на «пробу пера», на литературные «опыты». Это глубочайшее заблуждение! Литературный альманах — орган отделения Союза писателей. **Каждая книга альманаха есть творческий отчет писателей перед своими читателями, перед общественностью.** Требования к альманаху должны быть такие же, как к журналу, как к любой издаваемой художественной книге. Здесь не может быть никаких скидок. Для «опытов» и «проб пера» у нас существуют литературные кружки, творческие собрания, обсуждения. Писательские организации обязаны рассматривать альманах, как главное в своей творческой и организационной работе. Ведь выпустить хороший, интересный альманах означает прежде всего написать полноценные идейно-художественные произведения. А это и есть главная обязанность каждого писателя, это есть главное, ради чего и существуют писательские организации.

Редколлегии альманахов не имеют права ограничиваться собиранием написанного. Они обязаны неторопливо и вдумчиво работать с каждым автором, заниматься планированием и организацией материала. Это особенно относится к такому боевому, оперативному жанру, как очерк. Лучшие наши альманахи имели и имеют свое лицо. Из номера в номер они увлекательно рассказывают о своем крае, области, республике. Такие альманахи активно вторгаются в жизнь, ставят на своих страницах актуальные вопросы жизни своего края, художественным и горячим, острым публицистическим словом помогают народу в его трудах. Полезно вспомнить, каким успехом у читателей пользовался в этом отношении крымский альманах в те годы, когда его редактировал П. Павленко, как живо и интересно освещал он послевоенную жизнь Крыма. Интересную инициативу проявляет сейчас ростовский альманах «Дон», поставивший на своих страницах вопросы о перспективах рыбоводства в связи с окончанием строительства Волго-Донского судоходного канала, о разведении цитрусовых культур на донских землях. Примеру такого активного вторжения в жизнь, нам кажется, должны следовать все наши альманахи.

Альманахи нуждаются в повседневной и самой серьезной творческой помощи со стороны правления Союза советских писателей СССР, правлений республиканских писательских организаций и наших творческих общественных комиссий. Еще очень редки случаи, когда секретариат ССП СССР, республиканские правления обсуждают вышедшие номера литературных альманахов. У руководства ССП, как говорится, — «не доходят руки». А надо, чтобы эти руки доходили до альманахов—и по-хозяйски взыскательно и любовно. Комиссия ССП по работе с русскими писателями, проживающими в республиках, краях и областях, обязана заниматься альманахами несравненно лучше, чем она это делает сейчас. Выходящие номера альманахов должны быть не только во-время и добротно отрецензированы, но и обстоятельно обсуждены и лучше всего—на месте, с участием самих авторов.

Больше внимания обязаны уделять альманахам «Литературная газета» и центральные журналы Союза писателей. Статьи в «Литературной газете», посвященные разбору произведений, опубликованных в альманахах, появляются пока что не часто, к тому же они не всегда поучительны, носят порой информационный характер. Журнал «Новый мир» ограничился за минувший год публикацией лишь одного обзора на альманах «Литературный Воронеж», а «Знамя» и «Октябрь» вообще не дали за год ни одной критической статьи об альманахах.

Созываемое 26 января с. г. Союзом писателей и Главполиграфиздатом всесоюзное совещание редакторов русских альманахов и руководителей местных писательских организаций должно внимательно рассмотреть состояние альманахов и обсудить меры по их улучшению. Давно пора навести порядок в этом большом литературном хозяйстве! Вопросы идейного содержания и литературного мастерства произведений, печатающихся в альманахах, обязаны стать в центре внимания участников совещания.

Надо подвергнуть пристальному рассмотрению и критике не только художественные отделы альманахов. Нельзя мириться, в частности, с нынешним состоянием литературной критики в альманахах, когда произведения местных писателей рассматриваются в отрыве от общего развития советской литературы, когда требовательность подменяется захваливанием и вкусовщиной. Низкий идейный и теоретический уровень критических и литературоведческих статей в альманахах вызывает законную тревогу.

Решая коренные вопросы идейно-художественного содержания альманахов, совещание не должно пройти мимо и других насущных дел, таких, например, как неудовлетворительное распространение альманахов, что часто ведет издательства к убыткам. Но совершенно очевидно, что и здесь главное решает борьба за **качество** альманахов. Содержательный, красиво оформленный альманах найдет своего массового читателя и всегда будет рентабельным. Надо покончить, наконец, и с мелочной опекой над альманахами издательств, нередко подменяющих собой редколлегии. Этого не будет, если местные писательские организации повысят свою ответственность за альманахи, создадут достаточно авторитетные и опытные редколлегии, привлекут к участию в альманахах и сборниках местную интеллигенцию и будут рассматривать издание литературных альманахов, как свое кровное дело.

В. СМИРНОВ

Всесоюзное совещание о работе альманахов

В Москве 26 января созывается Всесоюзное совещание редакторов русских альманахов, выходящих в стране, секретарей отделений Союзов писателей, руководителей русских секций ССП в братских республиках и литературных объединений. С докладом о состоянии альманахов и мерах по их улучшению выступит А. Софронов.

На совещании будут заслушаны сообщения представителей альманахов: «Крым» (Симферополь), «Новая Сибирь» (Иркутск), «Литературная Тула», «Эстония» (Таллин), «Боевые ребята» (Свердловск). Московские писатели сделают обзоры художественной прозы, поэзии, очерков, публицистики и критико-библиографических статей, напечатанных в альманахах.

Для участников совещания будут прочитаны лекции. Готовится выставка, на которой будут представлены литературные альманахи, выходящие в СССР.

ТЕМПЫ ГОДА

Год от года, день ото дня, час от часа идет все вперед советский человек. Захватывает и окрыляет это чувство движения, знакомое всем нам. Все ближе подходим мы к сияющим вершинам коммунизма и, всматриваясь в них, ускоряем шаг.

Еще один пройденный этап—год 1952-й. Ясно и точно говорит нам опубликованное вчера Сообщение Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1952 году.

С удовлетворением прочел каждый из нас основную цифру, характеризующую итоги года по промышленности в целом, — на 101 процент выполнен годовой план производства валовой продукции.

Но глаз читателя сейчас же нетерпеливо и настойчиво стал отыскивать другую цифру — ту, которая показывает, насколько мы ускорили за год свой темп движения вперед. Вот и эта цифра — валовая продукция всей промышленности СССР в 1952 году выросла по сравнению с 1951 годом на 11 процентов. И мы вспоминаем, что в 1951 году объем промышленного производства в нашей могучей стране составлял 1266 процентов по отношению к 1929 году! Таков наш темп, советский, неуклонно нарастающий...

И в сельском хозяйстве! В строках цифр этого раздела Сообщения советский человек с великой радостью прочел: валовой урожай зерновых культур составил в 1952 году 8 миллиардов пудов. Глаз читателя сейчас же отыскал и другую цифру: в минувшем году валовой урожай самой ценной зерновой культуры — пшеницы — превысил урожай 1951 года на 23 процента...

Окончательно и бесповоротно решена у нас зерновая проблема. В сельском хозяйстве тот же темп — наш, советский, неуклонно нарастающий...

И так повсюду. У железнодорожников грузооборот возрос за год на 9 процентов, у речников — на 12, в автомобильном транспорте — на 15... Все стремительней движется поток грузов по нашей советской земле. И то, что производится, что добывается, что сделано,— все это на благо советскому человеку. Все на благо — машины, уголь и нефть, металл и электрическая энергия, укрепляющие основу нашего народного хозяйства, и такое величайшее сооружение, как Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина, вступивший в строй в минувшем году, и все то, что идет непосредственно для житейских нужд человека — одежда, обувь, продукты питания. Ибо, как учит товарищ Сталин: **«Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей».**

Вдумаемся в такую цифру: за прошлый год было продано населению товаров на 10 процентов больше, чем в 1951 году. Для того, чтобы наша государственная и кооперативная-торговая сеть могла продать такое количество товаров широкого потребления, надо было значительно увеличить производство их промышленностью и сельским хозяйством. А для того, чтобы советский человек мог купить эти товары, надо было поднять реальную заработную плату, вновь снизить цены, еще более укрепить рубль, повысить его покупательную способность.

Какую гигантскую работу осуществляло наше социалистическое государство, как заботливо отвечало на все возрастающие запросы советского человека, чтобы могли появиться эти десять процентов! А ведь, конечно, не только в этом проявляется забота партии и государства о советском человеке. Такие же волнующие, запоминающиеся цифры мы прочли и в других строках Сообщения — о строительстве жилищ (в 1952 году построены жилые дома общей площадью свыше 27 миллионов квадратных метров в городах и рабочих поселках, а на селе сооружено 370 тысяч домов); о расширении сети больниц и родильных домов (число коек в них возросло за год более чем на 50 тысяч); о росте библиотек (их теперь у нас 368 тысяч, а библиотечный фонд насчитывает более 830 миллионов экземпляров книг)...

В 1952 году национальный доход вырос на 11 процентов в сравнении с предыдущим годом. И весь национальный доход принадлежит народу; при этом три четверти его идут на удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся.

Не в долгу у государства и советские люди. «Советский рабочий,— сказал в отчетном докладе на XIX съезде партии Г. М. Маленков,— непосредственно заинтересован в повышении производительности труда, ибо он знает, что этим укрепляется экономическое могущество СССР и повышается жизненный уровень трудящихся. В единстве интересов государства и народа заложена основа высокой производительности общественного труда при социализме».

Производительность труда рабочих в промышленности и на строительстве возросла за год на 7 процентов. Для того, чтобы работать еще лучше, советские люди овладевают знаниями, техникой, повышают свою квалификацию. В 1952 году продолжался дальнейший рост культурного уровня советского народа. В 8—10-х классах средних школ обучалось уже на 1 миллион больше учеников, чем в прошлом году,— мы идем к всеобщему десятилетнему обучению! В техникумах обучалось на 106 тысяч человек больше, а в вузах, в том числе и в заочных, на 85 тысяч,— все больше и больше грамотных, культурных людей, специалистов своего дела нужно нашей стране!

Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР на конец 1952 года составила 41,7 миллиона человек и была больше, чем в конце 1951 года, на 900 тысяч человек. В промышленности, в сельском и лесном хозяйстве, в строительстве и на транспорте численность рабочих и служащих за год увеличилась на 725 тысяч человек, в учебных, научно-исследовательских и лечебных учреждениях — на 115 тысяч человек, в общественном питании и жилищно-коммунальном хозяйстве — на 60 тысяч человек.

«В 1952 году, как и в предыдущие годы, безработицы в стране не было».

Как много говорят нам и всему миру эти простые слова Сообщения ЦСУ!

Наш рабочий не только успешно осваивает новые первоклассные машины, которые дает ему отечественная промышленность, но и активно участвует в создании, в совершенствовании их. Так, в содружестве людей труда и науки созданы в минувшем году те 600 важнейших машин и механизмов новых типов и марок, обеспечивающих дальнейший технический прогресс народного хозяйства, о которых сообщает нам Центральное Статистическое Управление. Достижения науки и техники ныне не отделимы от достижений новаторов, стахановцев.

Многое из того, что было решено за год в технике и на производстве, в сельском хозяйстве и на транспорте, кажется нам сейчас простым, ясным, само собой разумеющимся: а как же, мол, могло быть иначе?

Однако новаторы испытывают—как это всегда было и всегда будет в нашей творческой жизни — радостное чувство первооткрывателей. Радость новатора — это радость человека, вступающего в область неизведанного, человека, собравшего всю свою волю для того, чтобы преодолеть неожиданности, возникающие на не хоженом еще пути, и притти к намеченной цели.

Можно понять подлинно творческое волнение опытных, видавших, как говорится, виды паровозных машинистов — И. Иванова, Н. Блинова, И. Сазонова, Ф. Лобойко, Н. Середы, решивших в прошлом году задачу скоростного вождения тяжеловесных поездов. Известно, что вести тяжеловесный состав — серьезное испытание для каждого опытного машиниста, а вот вести его еще с повышенной скоростью — это уже казалось чем-то вроде искусства виртуоза. И все же они это сделали, а за ними повели на высоких скоростях тяжеловесные составы и другие машинисты.

Такими же первооткрывателями представляются нам и конструкторы Ново-Краматорского завода имени Сталина—В. Кузнецов, В. Вареник, А. Тищенко, Ю. Благовещенский, строгальщик И. Чернопятенко, прессовщик Ф. Колодченко и технолог А. Фоменко, начавшие соревнование машиностроителей за снижение веса машин при улучшении их качества. Десятилетиями считалась лучшей, более надежной та машина, на которую металла не пожалели; а, оказывается, это не так, оказывается — во многих машинах металл омертвляется зря, оказывается — можно и нужно делать машины весом полегче, а качеством получше. Так, например, был сконструирован новый тип шахтного электроподъемника: он на 20 процентов легче обычного и намного мощней его.

Больше двух тысяч писем от рабочих и инженеров получили в прошлом году токари «Красного пролетария» Нина Юшина и Анастасия Малютина — инициаторы соревнования за сокращение производственного цикла. Рационализировав операции по обработке металла на своих участках, они за смену дают в два раза больше деталей, чем прежде. И вот у них уже сотни, тысячи последователей!

Колхозники Баштанского района на Украине утроили урожай пшеницы. Как они этого достигли? Новаторы обычно отвечают на этот вопрос: за счет высокого уровня механизации производства и повышения культуры земледелия. Но чтобы раскрыть те огромные явления, которые скрываются за этими словами, чтобы проанализировать и обобщить опыт, к ним приезжают не только колхозники, но и ученые; в районе собирается сессия Института экономики Академии наук УССР; а затем в свет выходит большой научный труд, суммирующий достижения людей практики.

Много таких замечательных первооткрывателей дал нам минувший год. В делах этих людей раскрываются те качественные изменения, которые происходят в промышленности, на строительстве, в сельском хозяйстве, в нашей технике и науке, в культурном строительстве. Об этих людях, воспитанных партией Ленина — Сталина, о творцах нового, смело и уверенно шагающих вперед, с глубоким уважением думаем мы, читая и перечитывая насыщенные цифрами строки Сообщения Центрального Статистического Управления. За этими цифрами мы видим нашего замечательного современника, человека сталинской эпохи. Видим его в труде и в борьбе за новое, видим, как он ломает старое, отжившее, ненужное.

Но есть у нас еще люди, работающие без огонька, без живинки в деле. Их мы с огорчением видим за теми строками Сообщения, в которых сказано о невыполнении некоторыми министерствами плана по отдельным видам продукции, о нарушении заданий по качеству и сортности, о производственном браке. Таким людям надо напомнить: государственный план — это закон! Народ наш не хочет, не будет мириться с теми, кто отстает, кто думает укрыться за широкими плечами передовых.

Настойчиво и уверенно идем мы под водительством партии коммунистов все вперед, набирая темпы из года в год, со дня на день, с часа на час.

Вот и еще один славный год с честью и достоинством пройден нами. И в новом, 1953 году прожито уже 23 дня, насыщенных новыми поисками, новым творчеством.

Мы — всегда в движении. Ощущение этого все нарастающего и все побеждающего движения к коммунизму окрыляет нас.

А. ВЕЛИЧКО

Искусство друзей

ПРЕКРАСНОЙ традицией стало постоянное знакомство советского народа с творчеством наших друзей — мастеров театра, кино, музыкального искусства стран народной демократии. Недавно мы смогли воочию убедиться в том, как расцвела польская художественная культура: ярким свидетельством этого явились спектакли Польского Государственного оперного театра имени Станислава Монюшко (Познань), концерты талантливого молодежного ансамбля песни и пляски «Мазовше», выступления пианистки Галины Черны-Стефаньской и скрипачки Ванды Вилкомирской.

Сейчас в Советском Союзе гостят артисты Чехословацкой республики: квартет имени Бедржиха Сметаны в составе И. Новак, Л. Костецкы, Я. Рыбенскы, А. Когоут, известная чехословацкая пианистка Вера Ржепкова, виолончелист профессор Милош Садло.

Концерты мастеров чешского искусства, состоявшиеся в Москве, в Большом и Малом залах консерватории, прошли с большим успехом и доставили нам—представителям советского музыкального искусства—много радости. Радует не только техническое, профессиональное мастерство наших друзей, но и их умение глубоко проникать в существо музыкального произведения, выразительно раскрывать его главную идею.

Чехословакия издавна славится камерным и, в особенности, квартетным искусством, которое имеет свои славные традиции. Молодой квартет имени Бедржиха Сметаны является носителем этих традиций. Изумительное чувство ансамбля, идеальная интонация и благородство трактовки ставят этот, безусловно имеющий все данные для дальнейшего роста, квартет в ряд интересных музыкальных коллективов.

В программе квартета имени Бедржиха Сметаны — произведения Бетховена, Дворжака, Сметаны, Франтишека Рихтера, Моцарта, Гайдна, Дебюсси, квартетная миниатюра советского композитора С. Цинцадзе.

С классической отточенностью и в благородном стиле было исполнено раннее произведение Бетховена — квартет до-минор. Задушевная лирическая тема квартета прозвучала выразительно.

С наибольшим интересом слушатели встретили исполнение произведений чешских композиторов: квартета ля-бемоль-мажор А. Дворжака, где широко и полнозвучно выражены народные песенные мотивы, и Первого квартета Б. Сметаны.

Первый квартет Сметаны был сыгран великолепно. Большая и благородная славянская душа, чувство горячей любви к своей родине раскрылись в чудесных, глубоко народных мелодиях, особенно в третьей части квартета, характер которой во многом близок музыке великого русского композитора П. Чайковского.

С глубоким интересом прослушали мы выступление квартета, но хочется адресовать ему и одно дружеское пожелание. Квартет пока еще недостаточно смело пользуется динамическими средствами музыкальной выразительности. Хотелось бы в исполнении квартета, так тонко умеющего передать, piano, почувствовать и бо́льшую драматическую насыщенность.

Столь же тепло, как и выступления квартета, советские слушатели встретили пианистку Веру Ржепкову и профессора Милоша Садло.

За исполнение произведений Сметаны правительство Чехословакии удостоило В. Ржепкову звания лауреата Государственной премии. Действительно, произведения Сметаны пианистка сыграла прекрасно. С интересом были прослушаны поэма на тему Шекспира «Макбет» и «Праздник чешских крестьян».

Профессор М. Садло выступает в Москве не впервые. Несколько лет назад москвичи были поражены его блестящей, виртуозной техникой. Однако Садло—не только выдающийся виртуоз, но глубокий, вдумчивый музыкант, изумительно передающий красоту и выразительность музыкальных образов. Исполнение им виолончельного концерта Дворжака — блестящее тому подтверждение.

Концерты мастеров чехословацкого искусства принесли советским слушателям несомненную пользу. Постоянное творческое взаимообогащение народов стран народной демократии и Советского Союза помогает плодотворному развитию их художественной культуры.

Чешские артисты выехали на гастроли в различные города нашей страны. Я уверен, что и там они найдут такой же радушный прием, как и в Москве. Хочется пожелать нашим друзьям еще больших успехов в их творчестве, в их прекрасном музыкальном искусстве.

Концерты чехословацких артистов — одно из ярких свидетельств той нерушимой дружбы, которая с каждым днем все больше и больше крепнет между народами Чехословакии и Советского Союза.

А. ГАБРИЭЛЯН,
народный артист Армянской ССР

НОВОСТРОЙКИ МОЛОДОГО ГОРОДА

КУЙБЫШЕВ. (**Наш корр.**). Растет город строителей Куйбышевской гидроэлектростанции — Жигулевск. Этот самый молодой волжский город расположен у подножья живописных гор Жигулевского кряжа.

На месте пустырей, огородов и выпасов села Отважного, которое еще два года назад перенесено на другое место, раскинулись городские кварталы. Улицы здесь застроены новыми домами и заасфальтированы. В городе есть школы, библиотеки, столовые и другие культурные и коммунально-бытовые учреждения. В минувшем году построены механизированный хлебозавод, 48 домов общей жилой площадью 23,5 тысячи квадратных метров, поликлиника, больница, детские ясли, две школы. Перед новым годом сдан в эксплуатацию родильный дом, где в первые дни января появились на свет восемь юных граждан страны — детей строителей гидроэлектростанции.

В этом году намечено построить десятки новых домов, жилая площадь которых составит 50 тысяч квадратных метров, и несколько многоэтажных общественных зданий. Заложены и строятся столовая-ресторан на 200 мест, клуб со зрительным залом на 300 мест, два административных здания управления гидроэлектростанции.

Рига — Пекин

РИГА. (**Наш корр.**). Дружба эта завязалась более двух лет назад. Узнав, что многие студенты Пекинского университета ушли добровольцами на корейский фронт, студенты Латвийского педагогического института послали в далекий Китай письмо. Коротенькая весточка из Риги обошла все факультеты Пекинского университета.

Так было положено начало этой крепнущей год от года переписке между студентами Риги и Пекина. История ее воплощена в десятках интересных материалов. В стеклянных витринах, размещенных в одном из кабинетов института, выставлены оригиналы писем с переводами, шелковые полотнища с краткими приветствиями от китайских друзей, фотоальбомы, рассказывающие об учебе, отдыхе, общественной деятельности студентов Пекинского университета.

А вот только что полученные письмо на десяти страницах и подарки. С восхищением рассматривают студенты вытканные шелками портреты И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна, художественно выполненный гипсовый бюст вождя китайского народа, изящные вазы с китайскими национальными орнаментами. Из рук в руки переходит небольшой том, о котором в письме говорится:

«Посылаем вам, дорогие друзья, первый том сочинений Мао Цзэ-дуна... Наш вождь учит нас ненавидеть империалистов и бороться с ними, учит защищать мир, любить советский народ и следовать по его пути. Эту драгоценную для нас книгу мы посылаем вам как лучший подарок».

В заключение авторы письма благодарят рижан за подарки: изделия латышских народных мастеров, книги, альбомы.

Книги, написанные стахановцами

ЛЕНИНГРАД. (**Наш корр.**). На столах и подоконниках экспедиции Дома научно-технической пропаганды лежат штабели аккуратно упакованных бандеролей. Сверху на обертке написаны адреса: Николаев, Магадан, Ташкент, Владивосток, Рига, Комсомольск-на-Амуре. В бандеролях — пачки «стахановских листков», книг, бюллетеней и брошюр, написанных стахановцами, инженерами ленинградских предприятий, записи лекций, прочитанных учеными в залах Дома пропаганды и изданных затем для широкого распространения.

Тысячи экземпляров брошюр и книг рассылаются из Ленинграда в другие города. Возьмем сверху из не запакованной еще бандероли несколько книжек в голубых и серых обложках. «Роль комплексных бригад в создании скоростного цеха» (опыт Кировского завода). Авторы — лауреат Сталинской премии фрезеровщик Е. Савич и инженер К. Русинович. «Восстановление самоцентрирующих патронов». Книжка написана токарем машиностроительного завода Н. Захаровым в содружестве с инженером Я. Огаринским.

Научно-техническая литература, создаваемая стахановцами-новаторами, — новый их вклад в борьбу за технический прогресс. За прошлый год в издании Дома научно-технической пропаганды вышло около 150 книг, брошюр и бюллетеней, пропагандирующих передовой опыт. Их общий тираж превышает 500.000 экземпляров. В текущем году будет издано свыше 300 названий тиражом в 884.000 экземпляров.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✻ **Село Радищево.** Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Верхнее Аблязово—родина А. Н. Радищева—переименовано в село Радищево, а Верхне-Аблязовский сельский Совет Пензенской области — в Радищевский.

✻ **Новые библиотеки.** За последние два года в аулах, селах и рабочих поселках Казахстана открыто 400 новых библиотек, имеющих шесть миллионов книг. В текущем году предполагается открыть еще 225 библиотек.

✻ **Научное учреждение в колхозе.** По решению Сталинградского облисполкома, на базе плодового сада сельхозартели «Буревестник» Дубовского района создан опытный пункт сельскохозяйственной станции имени Вильямса. Научным сотрудником этой станции назначен колхозный садовод В. Корнеев.

✻ **Литературный лекторий.** Во Дворце культуры Брянского паровозостроительного завода организован литературный лекторий. В плане его работы лекции о социалистическом реализме, борьбе советской литературы за мир, за воспитание дружбы и товарищества и другие.

✻ **«Шелковое сюзане».** Областной драматический театр Великих Лук показал новый спектакль — «Шелковое сюзане» А. Каххара. Театр работает над пьесами «Земной рай» болгарского драматурга О. Василева и «Бешеные деньги» А. Островского.

✻ **Юбилей врача.** Общественность Уразовского района, Курской области, отметила тридцатилетие деятельности Б. Кобанова — главного врача районной больницы, где он работает два десятилетия. За время своей работы он сделал более 22 тысяч операций.

✻ **Колхозные оркестры.** Около сорока духовых и 135 струнных оркестров созданы при колхозных домах культуры Сталинской области. Одним из лучших является духовой оркестр артели имени Карла Маркса Селидовского района, участники которого — рядовые колхозники; дирижирует колхозный библиотекарь тов. Городецков.

✻ **Оперетта поставлена самодеятельностью.** Коллектив художественной самодеятельности Дома культуры самого северного города Томской области — Колпашево показал музыкальную комедию «На берегу Амура». В прошлом году была осуществлена постановка оперетт «Вольный ветер» и «Свадьба в Малиновке».

✻ **Заводской кукольный театр.** На турбогенераторном заводе имени С. М. Кирова (Харьков) начал работать самодеятельный кукольный театр. Первая его постановка — «Аленка» Михайлова и Скляровой.

ХОЗЯЕВА ВОДЫ

А. КРЕМЕНСКОЙ

«Мираб» на языке древних народов Средней Азии означает «хозяин воды». Сегодняшние мирабы — хозяева воды в пустыне — это советские геологи, ищущие для строителей Главного Туркменского канала воду в Кара-Кумах.

...Уже второй час идет самолет над пустыней, а вокруг, насколько хватает глаз, простираются пески. Кое-где они покрыты жидкой порослью полыни. Виднеются редкие кусты «деревьев пустыни» — саксаула, черкеза, кандыма. Но чаще всего под крылом самолета тянутся только бесконечные барханы — однообразные, голые, напоминающие лунный ландшафт из астрономического атласа.

Но вот самолет снижается.

— Подлетаем к дому, — говорит заместитель начальника северной геологической экспедиции Михаил Васильевич Михайлов. В окне снижающегося самолета мелькают высокая мачта, увенчанная красной звездой, вытянувшиеся в ряд деревянные здания, палатки, гараж...

Самолет приземляется на огромном такыре — твердой, как камень, и ровной, как стол, глинистой площадке в несколько гектаров.

Выходим из кабины и направляемся к землянке штаба. Кругом — никого. Лишь двое рабочих спешат выгрузить листовое железо для метеорологической станции.

— У нас самолет летает трижды в сутки,— говорит Михайлов.— К нему привыкли, как в Москве к автобусу. Это же основное средство связи с «Большой землей»—до Кизыл-Арвата отсюда больше двухсот километров «барханного» пути.

«Городок геологов», Бала-Ишем,— совсем юный: ему нет и двух лет. Но он уже значится в списках населенных пунктов. Здесь есть столовая, клуб, магазин, амбулатория. Я смотрю вокруг и думаю, с какой удивительной быстротой заселяются безлюдные «черные пески», заселяются основательно, прочно, на долгие годы. Вспоминаю Ясхан, расположенный невдалеке от Казанджика, — он немного старше Бала-Ишема, но это уже настоящий город — с каменными зданиями, с почтой, больницей, школой-десятилеткой, с учреждениями, большими магазинами. Пройдет совсем мало времени, и станет таким же Бала-Ишем. Пока же он похож на большой лагерь.

Я разговариваю в штабе с начальником северной геологической экспедиции —Павлом Николаевичем Воробьевым. Он рассказывает о задачах экспедиции. Кара-Кумы считались раньше бесплодными. Особенно безнадежны в этом смысле были такыры — глинистые понижения, занимающие в Кара-Кумах сотни тысяч гектаров. А сейчас доказано, что на «бесплодных» такырах отлично могут расти и приносить урожай вика, пшеница, хлопчатник, плодовые деревья. И водой Кара-Кумы оказались не так уж бедны. На различных глубинах залегают здесь грунтовые воды — кристально-чистые, прозрачные.

Геологи и занимаются их разведкой.

Мы идем с Павлом Николаевичем в «корпус специалистов» — длинное деревянное строение. В светлых, теплых комнатах живут инженеры и техники. По коридору справа — «семейные квартиры». Здесь много молодоженов — молодых специалистов, прямо со студенческой скамьи приехавших в пустыню. Супруги Коробейниковы — гидрогеологи, окончили два года назад геологоразведочный институт в Москве. Виктор Николаевич Зимин и его жена Вера Кирилловна — топографы.

— Если обозначить на карте пути, которые привели сюда каждого из нас, получится сложный чертеж,— смеясь, говорит молодой гидрогеолог Виктор Коробейников. — Я — сибиряк. Зимины — волжане. Павел Николаевич — из Курской области. Геолог Женя Кравцова — москвичка. Самый короткий путь проделал, пожалуй, наш замполит Джуманиязов — всего четыреста километров: он из Ашхабада. И вот собрались на Бала-Ишеме, живем и работаем уже второй год. Уроженцы мы разных краев, и специальности у нас разные, а цель одна: найти воду в пустыне.

Обнаружить источники воды в Кара-Кумах нелегко. Это труд большого коллектива людей. Сначала труд главного инженера экспедиции над схемой разведывательных работ. Затем — топографов, переносящих координаты на местность, фиксирующих будущие буровые точки. И вот уже включаются буровики.

В специальный журнал заносятся данные бурения, описания образцов породы, ведутся анализы грунтовых вод. Все материалы поступают с буровой на базу для камеральной обработки. Здесь геологи составляют геологические разрезы и пишут геологический, гидрологический и геоморфологический отчеты, чтобы отправить в Гидропроект, в Москву.

— Дело большое и трудное, если учесть, что ведется оно в Кара-Кумах круглый год,—говорит Воробьев,—фронт работ громадный — от Куня-Ургенча до Бала-Ишема. Не будь самолетов, неделями добирались бы от партии до партии.

— Да, барханные песочки не для скоростной езды,— смеется Коробейников,— недавно пришлось путешествовать от колодца Арта-кую до колодца Ак-кую. Расстояние пустяковое — всего семнадцать километров, а добирались четверо суток...

Но в экспедиции уже работают бригады «дорожников». Они выезжают в пески и выкладывают дороги саксаулом. На десятки километров от Бала-Ишема к буровым точкам протянулись эти «мостовые». Машины двинутся по ним с нормальной скоростью.

***

В фанерную дверь постучали. На пороге появилась шестнадцатилетняя «реечница» Карагюз:

— Семь часов. Пора на политзанятия.

Молодые специалисты уходят. Мы остаемся вдвоем с Воробьевым.

— Скажите откровенно, Павел Николаевич, — спрашиваю я,—очень трудно жить круглый год в пустыне?

— Чего греха таить, конечно, нелегко,—говорит Воробьев,—но кривая трудностей, если можно так сказать, все время идет книзу. Вот год назад жили мы в палатках, а сейчас сидим с вами в «доме специалистов». Заболевшего гриппом еще полгода назад срочно отправляли самолетом в Ашхабад, а теперь у нас свой врач и фельдшер... Советский человек и в пустыне растет очень быстро. Вот вы говорили сейчас с Коробейниковым, с Зимиными, с Кравцовой. Все они — вчерашние студенты. Сейчас это уже опытные «полевики». А возьмите мастеров, рядовых бурильщиков. Вот, например, Саша Фокин, комсомолец из Ульяновска, сразу же после постановления правительства о строительстве канала отправившийся в Кара-Кумы. Два года живет он в пустыне. Сейчас — лучший мастер. Руководит ответственной работой по механическому бурению скважины, которая уйдет в грунт более чем на полкилометра. Так глубоко никто и никогда не бурил в пустыне...

Я слушаю Воробьева, его рассказ о людях, работающих в пустыне, о трудностях и борьбе с ними, об удачах и огорчениях, о целом комплексе производственных и научных задач, которые решаются здесь экспедициями. Я вспоминаю обо всем, что уже видел на буровых точках, в палатках геологов, походных лабораториях. И чувство гордости овладевает мною: огромное, по всему фронту, наступление готовится на Кара-Кумы... Готовится тщательно, обдуманно, по-советски. И когда многотысячная армия строителей великого канала войдет в Кара-Кумы, добрым словом помянет она «мирабов пустыни» — всех тех, кто добывал воду в «черных песках».

Тем обиднее было мне узнавать, не только от начальника экспедиции Воробьева, но и от всех здешних людей, «болеющих» за свою важную работу, о тех серьезных недостатках, которые, к сожалению, имеются в деятельности Туркменского геологического управления. Крайне бюрократически руководит оно своими экспедициями. Работающие в пустыне люди, по существу, лишены его внимания. Северная экспедиция П. Воробьева и южная экспедиция К. Помудского находятся у Туркменского геологического управления (начальник Л. Смирнов, главный инженер В. Матвеев, заместитель начальника по политической части Л. Дроздов) на положении пасынков.

Я побывал у работников 8-й Центральной геологической партии. Виделся с буровым мастером А. Фокиным, комсомольцем из Ульяновска, который ныне с успехом ищет воду для строителей канала; говорил с его товарищами — другими «мирабами пустыни». Все они одинаково высказывали свое беспокойство.

Управление подчас засылает в экспедицию оборудование, не годное к употреблению. Летом 1952 года в Бала-Ишем были присланы трубы с ниппелями неравномерной нарезки. Трубы не выдерживали собственного веса. Бурение на ведущей скважине «А-бис» было сорвано. Не обеспечивается экспедиция и необходимым инструментом. У бурильщиков нет ножовочного полотна, нет штанг, нет ключей... Новые автомашины часто доставляются без запасных частей, к ним не дают даже фильтров, отчего машины быстро выходят из строя.

Начальник управления тов. Смирнов и главный инженер тов. Матвеев редко бывают в экспедициях. Заместитель начальника по политической части тов. Дроздов прилетает на самолете на 2—3 часа, а затем спешит отбыть в Ашхабад.

Я видел по лицам рассказывающих мне об этом «хозяев воды», как огорчены они таким невниманием к их работе, жизни.

С самого начала работы экспедиции на трассе канала управление не сумело обеспечить опытным и квалифицированным руководством 8-ю Центральную геологическую партию. Сколько это принесло неприятностей! Сравнительно за короткий срок здесь сменилось пять начальников. Просто удивительно, как могли руководители Туркменского геологического управления столь беспечно относиться к подбору руководящих кадров. Снятый за развал работы бывший руководитель 8-й Центральной геологической партии Банченко получил новую ответственную должность — начальника производственного отдела управления. Банченко совершает систематические прогулы, однако руководители управления считают его незаменимым.

Горечь в словах «мирабов пустыни», их критические замечания, их деловые предложения по улучшению быта в пустыне не могут не волновать.

Назрела необходимость вмешательства Министерства геологии СССР в дела Туркменского геологического управления. Нужно помочь работникам экспедиции.

АШХАБАД

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«УЧЕНЫЕ ПОМОГАЮТ СТРОИТЕЛЯМ»

Под таким заголовком в № 82 «Литературной газеты» за 1952 г. была помещена статья акад. Е. Павловского и проф. В. Беклемишева по вопросу редакции, какими средствами располагает наука для эффективной борьбы с летающими кровососущими насекомыми — так называемым гнусом. Этот вопрос возник в связи с ранее опубликованной в «Литературной газете» статьей начальника Сталинградгидростроя Ф. Логинова, в которой он обратился к ученым с призывом помочь строителям в решении различных проблем и, в частности, защитить их от гнуса.

Акад. Павловский и проф. Беклемишев сообщили, что уберечься от гнуса, безусловно, можно. Они рассказали о научно-исследовательской работе в этой области и высказали пожелание увеличить производство всевозможных химических препаратов и защитных сеток, расширить работы по очистке от крылатых кровососущих паразитов территории строительства Сталинградской ГЭС.

Редакцией получено письмо начальника Главного санитарного противоэпидемического управления Министерства здравоохранения СССР тов. В. Жданова, в котором сообщается о принятых мерах. На одном из участков строительства Сталинградского гидроузла в минувшем году были проведены опыты по уничтожению гнуса. В опытах участвовали научные сотрудники Центрального и Ростовского институтов малярии и медицинской паразитологии, Сталинградской областной и Средне-Ахтубинской районной противомалярийных станций. Опыты оказались успешными. В этом году в основных районах строительства будут проведены работы по уничтожению гнуса в еще большем объеме. Помимо того, медицинской промышленностью изготовляются в нужном количестве сетки акад. Павловского для индивидуальной защиты. К маю, когда начнется массовый вылет гнуса, строители будут обеспечены этими сетками. Для уничтожения гнуса в помещениях будут использованы аэрозольные баллоны с «ДДТ». Достаточное количество таких баллонов будет заблаговременно отправлено на строительство.

«О ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЯХ»

Под таким заголовком в «Литературной газете» 31 июля 1952 года была помещена передовая статья, в которой подвергались критике некоторые издательства, в том числе Музгиз и Сельхозгиз, за задержку подписных изданий. Отклики на эту статью поступили от Главполиграфиздата и издательства БСЭ и были опубликованы 11 декабря 1952 года. Не ответили лишь Музгиз и Сельхозгиз. После нескольких напоминаний руководители этих издательств, наконец, прислали свои отклики.

Директор Сельхозгиза тов. С. Перов по поводу задержки «Сельскохозяйственной энциклопедии» пишет, что «задержка в подготовке этого издания в настоящее время ликвидирована. Третий том уже печатается, а четвертый сдан в производство».

Ответ директора Музгиза тов. М. Лобищева нельзя считать удовлетворительным. Вместо того, чтобы сообщить о мерах, принятых издательством для быстрейшего выпуска собраний сочинений П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова и словаря «Деятели русской музыкальной культуры», тов. Лобищев ссылается на «объективные» трудности. С эпическим спокойствием директор Музгиза сообщает, что «принимаются меры к тому, чтобы не позднее 1959 года оба указанных издания (П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова) были закончены». Что же касается словаря «Деятели русской музыкальной культуры», издание которого должно было закончиться в 1953 году, то тов. Лобищев «рассчитывает выпустить 1 том в 1953 году и закончить все издание в 1955 году».

Кого же, кроме тов. М. Лобищева, может удовлетворить такое объяснение?

Читатели ждут от Музгиза ответа по существу критики, содержавшейся в статье, а не благодушной отписки.

ПОВЕСТЬ О ВОЕННОМ КОРРЕСПОНДЕНТЕ

Читая повесть А. Гончарова «Наш корреспондент», невольно вспоминаешь произведения первых послевоенных лет, когда участники войны (некоторые из них впоследствии стали писателями) рассказывали о том, что им довелось увидеть и пережить. Новый, свежий материал рвался в литературу, и благодарный читатель, который был очевидцем народных испытаний, легко прощал и многословие, и плохой язык, и несоразмерность частей. У него самого руки тянулись к перу — хоть наскоро записать то, что так глубоко поразило воображение народа!

Однако новый материал, как бы он ни был ярок, не может существовать в литературе сам по себе. Он требует творческого осмысления и воплощения. Можно представить себе длинный ряд повестей и романов, ряд, в котором степень «превращения» материала будет постепенно усиливаться, достигая все большей художественности и глубины. В этой краткой рецензии для подробного анализа, разумеется, не найдется места. Отмечу лишь, что повесть А. Гончарова, о которой пойдет речь, стояла бы где-то в середине этого ряда. Герои ее — работники фронтовой редакции, призванной освещать дела и дни нашей сражающейся армии. Это люди разных профессий: редакторы, писатели, журналисты. Война сделала их военными корреспондентами, и, занимаясь этим новым для себя делом, они умело, как это и было в действительности, пользуются опытом мирных лет. Таковы писатель Незамаев, редактор Макаров. Исключение составляет лишь главный герой повести Михаил Серегин. Едва взявшись за перо, он попадает на фронт. Вдумчивый, серьезный юноша, он с глубоким интересом присматривается к работе старших товарищей. Он неуверен в себе, его горькие «профессиональные» размышления поучительны для любого начинающего литератора. Он не знает себя, и постепенное «самопознание» является, в сущности, осью, на которую нанизаны основные события его жизни.

На первых страницах повести возникает смутное ощущение, что Серегин чем-то похож на Уланова из повести Г. Березко «Ночь полководца» (в свою очередь немного похожего на Петю Ростова из «Войны и мира»), но впоследствии это ощущение исчезает и читатель сочувственно следит за духовным развитием юноши, впервые столкнувшегося с грозными испытаниями войны. Характер избран обдуманно. Жизнь фронтовой редакции отчетливее видна с точки зрения неопытного молодого человека, только что перешедшего в армейскую газету из гражданской. Столкновение «возвышенных, но довольно смутных представлений о работе военного корреспондента» с действительностью изображено с любовной иронией. Впрочем, эта черта, придающая сердечную теплоту повествованию, окрашивает отношение автора и к другим героям. О начальнике отдела капитане Тараненко, например, говорится: «Когда-то, еще в бытность младшим лейтенантом, Тараненко писал лирические стихи и даже напечатал тоненькую книжечку. Но потом что-то изменилось в характере поэта, и он... не только перестал писать стихи, но даже проникся презрением к поэзии... Единственное, что пользовалось любовью сурового капитана, — это статьи с анализом боевых действий».

Было бы несправедливо утверждать, что в повести А. Гончарова отчетливо нарисован только главный герой. Вот портрет верстальщика Кучугуры: «Обычно верстальщики отличаются самостоятельностью взглядов и склонны критиковать редакцию. Сочетая личный и общественный интерес, они стремятся закончить верстку в срок и даже досрочно, а поэтому резко отрицательно относятся к переверсткам и неточным макетам... Газету «Звезда» верстал Федор Ильич Кучугура, сержант и старший наборщик... У Кучугуры были седеющие кустистые брови, которые остряки советовали ему зачесывать наверх, чтобы скрыть лысину, утиный нос и очень подвижные тонкие губы, заставлявшие подозревать их обладателя в некотором ехитстве. Долгие годы, командуя свинцовой армией букв, которые в его руках послушно строились в ряды, Кучугура привык очень вольно обращаться со словом».

Я нарочно привел эту цитату, чтобы показать, какой «живописный» талант у А. Гончарова. К сожалению, талант этот не помог ему создать глубокие психологические портреты. Это скорее беглые наброски углем, и сколько бы ни всматривался в них читатель, он не увидит подлинной личности героя, его судьбы.

Обычно герои не удаются в том случае, если автор видит их неотчетливо, приблизительно, смутно. Этого нельзя сказать о Гончарове. Нет сомнений в том, что он писал с натуры. Атмосфера жизни армейской газеты передана превосходно, со знанием дела. А. Гончаров жил со своими героями, изучил их. Более того, читая повесть, невольно задумываешься над тем, не себя ли он изобразил в молодом журналисте Серегине? Почему же все-таки так быстро «осыпаются» в памяти его портреты-наброски? Причина в том, что, хотя жизнь редакции написана в движении, герои «Нашего корреспондента» нарисованы неподвижно, статично. Автор не рассказал нам о тех событиях, перед лицом которых еще неизвестные черты характера редактора Макарова, писателя Незамаева могли бы открыться с неожиданной силой. Зато, когда Гончарову это удается, его повесть приобретает глубину, отличающую настоящее художественное произведение.

Стремясь добыть для газеты «оперативный материал» о готовящемся наступлении, Серегин отправляется в батальон морской пехоты, находящийся за горным перевалом. Разлившийся ручей преграждает дорогу машине, и Серегин решает пешком перевалить через горы. Нет нужды рассказывать о трудностях этого перехода. Важно другое. Добравшись с большим трудом до батальона морской пехоты, Серегин узнает, что моряки отправляются туда, откуда только что явился незадачливый корреспондент.

Выходит, что Серегин «прогулялся» без всякой надобности. Но зато совершенно очевидна художественная «надобность» этого напрасного перехода: именно здесь с особенной отчетливостью открывается перед нами скромный, терпеливый, самоотверженный характер молодого журналиста. О том, как было выполнено срочное задание редакции, сказано два слова. Но читатель не сомневается в том, что оно было выполнено с блеском.

Достоинства — большие и малые — повести Гончарова относятся лишь к тем главам, в которых рассказывается о жизни армейской газеты. Едва автор выходит за пределы редакционных интересов и отношений, едва начинает писать о партизанах, разведчиках, как читатель сперва смутно, а потом все более отчетливо вспоминает, что он где-то и когда-то читал эти страницы. Такими «знакомыми» чертами отмечена фигура подпольщицы—партизанки Наташи — Галины и ее деятельность в захваченном фашистами Краснодаре. Отношения между нею и Серегиным напоминают по своему характеру, по грустной, уходящей в неизвестность развязке отношения Травкина и Кати в повести Казакевича «Звезда». История любви едва намечена, развивается скачками и обрывается внезапно, как, впрочем, и сама повесть. Эпилог, в котором автор хотел, казалось, подвести некий «психологический» итог, почти ничего не дает читателю. Он был бы нужен, даже необходим, если бы заключал в себе поворот, связанный с событиями в жизни Советской страны за последние годы. Этого нет — нет, следовательно, и ощущения законченности талантливого, но неровного произведения.

В. КАВЕРИН

А. Гончаров, «Наш корреспондент». Повесть. Журнал «Октябрь», №№ 11 и 12 за 1952 г.

ЖИВАЯ СИЛА

Александр МИХАЛЕВИЧ

1. Была раньше между двумя донецкими колхозами — «Первое Мая» и «Красная Армия», в сравнительно далеком от областного центра Больше-Новоселковском районе, — невеселая, грязная балка, прозванная здесь «Шайтанка».

И вот вы не узнаете старой Шайтанки...

Запрягли ее в дело, соорудили греблю, получился прекрасный ставок, в летние дни густо заселенный белоснежной водоплавающей птицей.

Любуясь однажды ставком, я спросил встретившихся мне колхозников — старика и, может быть, его внука, молодого паренька, — давно ли запрудили балку, есть ли в ставке рыба...

Сначала отвечал старик:

— А вот, как решили мы слить два колхоза в один—«Первое мая», так Иван Балацко и предложил: не теряя времени, в честь такого события преобразить нашу Шайтанку... Сначала сомнение было — где взять рабочие руки да хватит ли сил, а Балацко так все обдумал, рассчитал, что за две недели плотину поставили! Потом сами себе не верили, что дело уже сделано... Вы о рыбе спрашиваете? Зарыбили ставок, что за вопрос...

Старик перевел взгляд на колхозный водоем и довольно наставительно добавил:

— Был бы интерес, а рыба будет... Да только ли рыба!

Тогда паренек решил, что и он может вставить свое слово про того же Балацко.

— Он же у нас друг Волго-Дона! Почему друг Волго-Дона? Да потому, что, когда ему возражают, он обязательно Волго-Дон вспоминает. Слыхали, мол, какие там чудеса люди сделали? А мы, что ж, робеть будем?..

«Друг Волго-Дона» — Иван Балацко, как выяснилось,—колхозный механик. Не так давно коммунисты колхоза выбрали его секретарем колхозной партийной организации. Я потом ближе познакомился с этим человеком.

Рослый, поджарый, он еще ходит в неспоношенном военном кителе, но вместе с этим кителем запоминается и его небольшая промасленная кепка мастерового человека, куцый козырек которой всегда оставляет открытым лоб и живые, пытливые глаза.

Там, где у другого подчас опустятся руки перед незнакомой задачей, перед выросшим препятствием, там, где иной сробеет перед трудностями, там Балацко вдруг просто, весело скажет:

— Хиба ж цього нельзя зробыть?

И неизменно оказывается, что зробыть— сделать — можно, что все вокруг такого человека разжигает жажду делания, дает толчок, служит материалом для все новых поисков, подчас неожиданных, творческих, смелых, интересных решений...

Полег в колхозе хлеб, высокоурожайная пшеница, на большой площади. Старики говорили: не поднять пшеницу! Балацко отвечал своим обычным: «Пошевелить мозгами надо!» Вспомнил, что читал однажды, как в каком-то совхозе применяли при комбайнировании полеглого хлеба специальное приспособление — эксцентриковое мотовило. Раньше других в районе Балацко, вместе с комбайнером Мажаном, переоборудовал комбайн. Подняли, честь-честью убрали хлеб, с каждого гектара намолотили по 21 центнеру пшеницы!

Балацко много, последовательно работает сейчас над тем, чтобы облегчить труд животноводов.

—Если не механизируем зимой фермы,— грош цена нам, — говорит он.

Нет нужды приводить здесь полный перечень предложений, новшеств, вводимых Иваном Балацко — этим энтузиастом механизации в большом и малом... Хочется сказать о нем самом, разобраться, как сложились многие его сегодняшние черты.

Семилетнюю школу Балацко закончил в селе незадолго до войны, немного поработал на ферме, готовясь ехать в Одессу, в сельскохозяйственный техникум. Но тут сразу будущего механика взяла на воспитание суровая школа жизни. С началом войны ферма, а с ней и Балацко, перебазировалась с Украины к Сталинграду. Около года поработал Балацко трактористом в одной из сталинградских МТС. Добровольцем ушел на фронт.

Я спросил Балацко о его военной специальности, и он ответил:

— Праздную «День танкиста».

Когда дома у Балацко я просматривал его библиотеку, на одной из полок попалась мне среди книг простая, но довольно увесистая коробка. Это были боевые награды механика, водителя танка — орден Отечественной войны, орден Красной Звезды, орден Славы да еще четыре боевые медали. Скользнув взглядом по коробке, Балацко улыбнулся:

— Помните, в «Василии Теркине»:

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

Партийный вожак колхоза Иван Балацко проявляет незаурядную выдержку, настойчивость, изо дня в день укрепляя дисциплину труда в колхозе, оберегая социалистическую собственность, вызывая к жизни все новые общественные богатства, поднимая сознательность колхозников.

И одновременно он всегда верен своей глубочайшей привязанности к технике, к техническому творчеству.

2. Встреча с Балацко побудила меня, приехав из колхоза «Первое мая» в областной центр, поинтересоваться, как в области, например в областном управлении сельского хозяйства, идут навстречу быстро растущей инициативе сельских изобретателей и рационализаторов.

Скажем прямо: работники управления часто еще недоучитывают, как глубоки корни этой инициативы, с какой силой начинают вырываться наружу родники технического творчества на селе, какие это несет новые возможности, к чему обязывает сельскохозяйственные органы...

Между тем таких, как Балацко, давно уже в колхозах не единицы!

И если сам Балацко творит, конструирует пока, так сказать, «на ходу», ни в коей мере не претендуя на какое-то особое признание, то есть — и их будет все больше — люди, желающие поделиться своими предложениями, довести их до сведения промышленности, получить поддержку в создании нового.

...Среди «дел», в изобилии хранящихся в областном управлении сельского хозяйства, есть скромная папка, которой до сих пор здесь не очень везло. Сначала она пребывала в управлении МТС, потом перекочевала в управление пропаганды, ни там, ни здесь не пользуясь настоящим вниманием. Время от времени в нее подшиваются отдельные письма, отношения. Это папка переписки по некоторым, всплывшим на поверхность изобретениям. Никто пока не дал себе труда обдумать ее содержание в целом. Но если прочесть содержимое этой папки лист за листом, она вызовет много мыслей о давно назревшей потребности поддержать и расширить движение рационализаторов и изобретателей на селе.

Комбайнер Соловьев сообщает свои предложения по лучшему приспособлению комбайна для уборки подсолнечника.

Техник Панферов вносит предложение о тюковании соломы одновременно с комбайновой уборкой.

Механик Никитенко делится конструкцией агрегата для одновременного проведения культивации и посева.

Машинист Ткаченко предлагает конструкцию разгрузчика зерна.

Из Славянского района, от Мозгового пришло предложение, как сконструировать скирдоклад.

Котляренко предлагает новую конструкцию сеялки для перекрестного сева зерновых культур.

Плотник Овчаров из Еленовской МТС, много лет делавший вручную планки соломенных транспортеров комбайна, придумал станок для изготовления этих планок...

Как встречены в управлении эти и подобные предложения? Пока, в общем, их судьба незавидна. Занятые «текучкой», не имеющие пока даже небольших фондов для необходимых испытаний, доработки предложенных конструкций и приспособлений, работники управления обычно ищут путей куда-либо переадресовать эти предложения или отписаться, отделаться ходовой ссылкой, что, мол, изобретение «имеет местное значение»; нет еще настоящей заботы о том, чтобы каждое полезное дело было доведено до конца, чтобы в необходимых случаях изобретателя связать с соответствующим институтом, заводом, дать новые, перспективные задания для изобретательской работы и т. д.

Больше повезло некоторым предложениям, связанным с осуществлением комплексной механизации на уборке.

Сложные условия уборки высокого урожая в минувшем году вызвали в Сталинской области, да и в других областях громадный рост творчества механизаторов, колхозников, стремившихся устранить потери урожая, механизировать проводившиеся еще вручную трудоемкие работы по зерноочистке.

И вот когда комбайнер-новатор из Славянской МТС И. Серов, которому пришлось убирать на низком срезе влажные высокие хлеба, внес некоторые изменения в конструкцию самоходного комбайна, в частности очень остроумно предложив изменить направление вращения шнеков хедера (чем ликвидировал наматывание на шнеки хлебной массы и, следовательно, остановки комбайна для очистки шнеков),— работники областного управления оказались на высоте. К Серову немедленно выехал, разобрался в его предложении опытный инженер тов. Марченко. Управление издало приказ о рационализаторском предложении Серова, провело на месте семинар механиков МТС. В короткий срок по методу Серова было переоборудовано в области 313 самоходных комбайнов. Государство, колхозы были в большом выигрыше!

Но такие примеры в практике Сталинского областного управления сельского хозяйства пока единичны. А живая, быстрая, действенная и широкая помощь изобретателям может и должна стать системой.

3. Это очень важно—реально представить себе, как много живых сил созрело сейчас в наших колхозах, МТС, совхозах для того, чтобы активно участвовать в дальнейшем совершенствовании сельскохозяйственной техники!

Достойному выявлению, сплочению и активизации этих сил очень помог бы созыв, в данном случае в городе Сталино, областной конференции сельских изобретателей и рационализаторов!

Об идее созыва такой конференции мне приходилось беседовать со многими людьми в донецких колхозах, и люди не только горячо поддерживали ее, но и очень предметно представляли, какой может быть эта конференция.

На знамени своего первого слета изобретатели и рационализаторы сельского хозяйства видят глубоко запавшие им в душу слова товарища Сталина из его гениального труда «Экономические проблемы социализма в СССР»:

«...Нигде так охотно не применяются машины, как в СССР, ибо машины сберегают труд обществу и облегчают труд...»

«...Техника не может стоять на одном месте, она должна всё время совершенствоваться... старая техника должна выводиться из строя и заменяться новой, а новая — новейшей. Без этого немыслим поступательный ход нашего социалистического земледелия, немыслимы ни большие урожаи, ни изобилие сельскохозяйственных продуктов».

Какой бы живой интерес вызвал на такой конференции, скажем, доклад руководителей Украинского научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства о достижениях и задачах комплексной механизации полеводства, животноводства, овощеводства.

Наряду с людьми науки на конференции активно участвовали бы работники сельскохозяйственного машиностроения. И не могла бы не быть исключительно плодотворной их встреча, скажем, с марьинским механизатором, комбайнером, Героем Социалистического Труда Сергеем Железняком. Надо живо представить, что Железняк уже 16 лет работает на одном и том же «Коммунаре», он так сжился с этой машиной, так творчески ее освоил и, по сути, пересоздал, что называет переоборудованный «Коммунар» «частицей своей души»! Этот же Железняк сконструировал высокопроизводительную зерноочистительную установку в колхозе имени Сталина. В одной только Марьинской МТС не менее десяти таких же, как Железняк, знатоков—новаторов сельскохозяйственной техники. Было бы преступлением оставлять втуне их драгоценный технический опыт!

Областная конференция помогла бы нащупать и лучшие организационные формы для обслуживания сельских изобретателей и рационализаторов. Стало бы яснее, что тут надо делать, что требовать от местных органов, какие тут нужны фонды, советы, консультации, бюллетени, может быть, темники, по типу заводских... Дело-то на глазах разрастается!

В заключение — еще одна деталь из бесед с Иваном Балацко.

Когда я спрашивал его, хороши ли в колхозе урожай, или удои молока, или производительность труда колхозников,— он вначале уточнял:

— На фоне района?

И это означало, что критерием для оценки Балацко брал своих соседей по району. Но чем дальше шла беседа, тем, чувствовал я, «теснее» становились ему эти критерии. Он, наконец, сам себя поправил:

— Собственно, на фоне района брать и считать — можно ошибиться.

— А какой же «фон» будет подходящим теперь? — спросил я у Балацко.

— Теперь, — ответил он возбужденно,— все будем брать на фоне XIX съезда партии коммунистов! На фоне перехода к коммунизму, на фоне самого передового!..

Отличный, в самом деле, критерий, в том числе и для того, чтобы с новым размахом, глубиной и целеустремленностью развернуть не только в городе, но и в селе могучее движение изобретателей и рационализаторов!

КИЕВ—СТАЛИНО

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В. В. МАЯКОВСКОГО

*Совещание в Союзе советских писателей СССР**

На утреннем заседании 20 января выступила сестра великого поэта **Л. Маяковская.**

Л. Маяковская напоминает о том, как враждебно было встречено появление молодого Маяковского в буржуазной печати и о том, как после Октябрьской революции враги Маяковского продолжали его травлю.

Далее Л. Маяковская критикует книги авторов, которые, по ее мнению, отдавая дань двум поэмам Маяковского, все остальное подводят под так называемые ошибки и противоречия.

— Ошибок, как известно, не бывает только у тех, кто ничего не делает, — говорит Л. Маяковская.— Были они, конечно, и у Маяковского. Но к этим ошибкам надо подходить без стремления заслонить то большое и важное, что сделал поэт для построения коммунистического общества, для литературы. Говоря о раннем Маяковском, нельзя подходить к дореволюционным событиям и фактам, которые происходили 40 лет назад, с меркой сегодняшнего дня, нельзя не учитывать, наконец, политических условий царского режима, как, например, цензуры.

— Правильная концепция понимания творчества Маяковского, — говорит оратор, — берет свое начало от высказываний А. М. Горького, который чутьем большого художника и человека разглядел за «футуризмом» Маяковского настоящего, большого поэта. Такую же оценку дал И. Е. Репин: «Какой вы, к чертям, футурист! Самый матерый реалист».

Л. Маяковская говорит, что правильно поступают те исследователи, которые видят истоки творчества Маяковского в детстве поэта, его демократическом, трудовом, морально-крепком, здоровом воспитании, в семье и в окружающей среде, в том неизгладимом впечатлении, которое оставил революционный 1905 год, в фактах участия Маяковского в большевистском подполье, общении с рабочей средой и пролетарским студенчеством. Вот те здоровые корни и соки, которые его питали всю жизнь и никогда не пересыхали.

Но трудность в утверждении этой концепции связана, по мнению Л. Маяковской, с тем, что отдельные органы печати, Институт мировой литературы и некоторые работники ССП поддерживают неправильную концепцию. Л. Маяковская говорит о нежелании издательств печатать работы о Маяковском, подготовленные тт. Колосковым и Маяковской, Лавутом, Февральским, сборники документов, подготовленные Музеем Маяковского.

В. Новиков говорит о том, что изучение творчества Маяковского теснейшим образом связано с решением актуальных задач современной поэзии. В оценке творчества поэта важно, чем будет руководствоваться исследователь: фактическим материалом, историей вопроса или субъективными домыслами и групповыми взглядами.

— Почти два года назад газета «Правда», — говорит В. Новиков, — в статье В. Щербины «За правдивое освещение творчества В. Маяковского» остро и принципиально поставила вопрос о недопустимости искажения творческого пути и творческого облика поэта, которое содержалось в книжке С. Трегуба «Живой с живыми» и комментариях к последнему собранию сочинений Маяковского. Речь шла о наличии групповых взглядов на творчество Маяковского, приведших к вульгаризаторскому толкованию основных вопросов творчества Маяковского.

— От того, объявим ли мы Маяковского «поэтом группы» или будем считать его творчество достоянием всей советской поэзии,— говорит В. Новиков,— зависит, будет ли он оружием в решении поставленных перед всей поэзией задач. Главное в этом вопросе — какие стороны творчества Маяковского должна продолжать наша поэзия? Кажется ясно — сильные, те, что с наивысшей силой проявились в зрелый период творчества, были достигнуты в результате Великой Октябрьской революции, решающего влияния партии Ленина — Сталина.

В. Новиков говорит, что цель исследования должна заключаться в том, чтобы раскрыть сильные стороны творчества Маяковского.

— Ошибочная субъективная точка зрения,— продолжает оратор,— решительно противостоит такому подходу. Под видом защиты Маяковского ее сторонники переносят достоинства зрелого периода творчества на дореволюционный, стирают всякое качественное различие творчества поэта разных периодов.

Таким образом не только затушевываются ошибки и заблуждения раннего Маяковского, но не выявляются и сильные стороны его творчества, не показывается процесс развития поэта, его подлинное новаторство. Вопрос о традициях Маяковского решается неверно, сводится не к продолжению лучших традиций Маяковского, а к подражанию.

— XIX съезд партии поставил задачу создания монументального искусства, достойного сталинской эпохи, — говорит оратор.— В нашей поэзии все еще мало эпического размаха, который был так свойственен Маяковскому и составлял одну из самых характерных черт его творчества. Поэзии не хватает героического пафоса, возвышенной романтики, наступательной силы. Читатель ждет произведений, передающих пафос созидания, наполненных героической романтикой и вдохновением, во весь рост показывающих типичного героя нашего времени, его дела и подвиги во имя Родины, во имя счастья на земле.

В. Новиков говорит о характерных чертах поэмы «Хорошо!» и указывает, что в наиболее выдающихся поэмах, созданных советскими писателями в период Великой Отечественной войны (в «Василии Теркине» А. Твардовского, в поэме Н. Тихонова «Киров с нами», в поэме М. Алигер «Зоя», в поэме С. Щипачева «Домик в Шушенском»), нашли творческое продолжение лучшие традиции Маяковского.

К сожалению, в 1952 году не появилось ни одного значительного эпического произведения, удовлетворяющего высоким требованиям типичности. Для создания монументальных произведений важно творческое использование богатейшего опыта Маяковского всеми советскими поэтами.

В. Новиков признал справедливость критических замечаний в адрес его книги и заявил, что постарается исправить допущенные недостатки в своей дальнейшей работе. Но рецензию В. Любовцева в газете «Московский комсомолец» и редакционную статью в «Комсомольской правде» В. Новиков считает необъективными и уводящими внимание общественности от причин неудовлетворительного состояния изучения творчества Маяковского.

На вечернем заседании 20 января выступил **Б. Ростоцкий.** Он посвятил свое выступление драматургии Маяковского, которая до сих пор не заняла достойного места в трудах литературоведов и театроведов и в работе наших театров.

Признавая отдельные недостатки своей книги «Маяковский и театр», Б. Ростоцкий полемизирует со статьей А. Анастасьева, опубликованной в «Литературной газете», в которой давалась критическая оценка этой книги. По мнению Б. Ростоцкого, эта статья отражает недоверчиво-скептическое отношение к Маяковскому-драматургу, которое еще достаточно распространено.

Отмечая огромное значение сатирической линии в драматургии Маяковского, Б. Ростоцкий считает, что нельзя сводить драматургию Маяковского только к сатирической линии.

— Разве не шире этой линии первая советская пьеса «Мистерия-Буфф»? Разве только к сатире сводится «Баня»? Но верно, конечно, что линия сатиры, публицистически заостренной и политически действенной, всегда занимала очень важное место в творчестве Маяковского.

В заключение Б. Ростоцкий оглашает один из отзывов, полученных от слушателей радиопостановки «Бани».

«Наконец-то достойная и актуальная «Баня» нашла свое воплощение в передаче по радио...

Пора поставить «Баню» в Театре сатиры...

Да здравствует Владимир Маяковский!

Группа студентов».

— Да, я думаю, что мы можем сказать: да здравствует Маяковский, Маяковский-поэт и Маяковский-драматург! — заканчивает оратор.

С. Кирсанов резко критикует тех исследователей, которые стремятся раздуть и преувеличить мнимые и действительные «грехи» В. Маяковского. Он напоминает о том, как сам Маяковский упорно боролся с «навешиванием» на него оскорбительных критических ярлыков.

— Сейчас положение далеко не такое, — говорит С. Кирсанов. — Над стихами Маяковского сияет солнце сталинских слов, которые всем нам, советским поэтам, указывают путь движения вперед. И, тем не менее, во многих книгах и статьях выявилась тенденция выделить и поставить на первый план все ошибочное и противоречивое, что было у Маяковского.

В этой связи С. Кирсанов критикует взгляды В. Перцова и редактора его книги А. Метченко, напоминая о существенных ошибках, допущенных обоими исследователями в оценке футуризма. С. Кирсанов упрекает А. Метченко и В. Перцова в том, что, постоянно указывая на ошибки и противоречия Маяковского, они не хотят самокритически признать свои недавние ошибки.

Далее С. Кирсанов полемизирует с характеристиками дореволюционного Маяковского, которые содержатся в работе В. Перцова.

— Маяковского, писавшего в условиях царизма и царской цензуры, — говорит оратор, — надо рассматривать, как революционного поэта, пытавшегося использовать все легальные возможности для революционного протеста. Это единственно верное определение. Футуризм занимает в жизни и творчестве Маяковского малюсенькое место. Не футуризм его интересовал. Его интересовало восстание против мерзкого порядка вещей в условиях царизма. Объем произведений Маяковского, где он выступает против капитализма, выступает революционером, верящим в будущее, неизмеримо больше, чем те два-три ранних юношеских стихотворения, которыми пользуются для раздувания футуризма Маяковского.

Напоминая о том, сколько горя и вреда принесло Маяковскому утверждение противников его поэзии о непонятности его стихов, С. Кирсанов критикует статью В. Перцова «О стихе Маяковского», опубликованную в «Литературной газете», заявляя, что эта статья вызывает сомнения в доступности стихов Маяковского.

— Партия доверила Маяковскому Окна сатиры РОСТА—этот массовый вид агитации. Маяковскому доверяли редактирование журналов. Я убежден, что с первых дней Октября партия увидела в Маяковском близкого себе поэта, партия его воспитала и приблизила, и, не будь этого воспитания, не могло бы быть Маяковского, как певца коммунистической партии!

В заключение С. Кирсанов критикует опубликованную в «Литературной газете» рецензию З. Паперного на книгу В. Новикова за то, что автор рецензии, по мнению С. Кирсанова, слишком благодушно отнесся к серьезным недостаткам этой книги.

В выступлении С. Кирсанова прозвучало по меньшей мере странное требование — лишить часть критиков права заниматься изучением творчества В. Маяковского и предоставить это право одной только группе критиков.

Т. Трифонова (Ленинград) выразила в своем выступлении неудовлетворенность ходом совещания.

— К сожалению, по поводу некоторых выступлений хочется задать вопрос: а во имя чего мы все это делаем, во имя чего это говорится? Во имя того, чтобы утвердить непререкаемую правоту своей личной точки зрения, или во имя того, чтобы общими силами, отказавшись, если нужно, от своих неправильных соображений, присоединившись, где нужно, к мнению своего вчерашнего противника, выработать правильную точку зрения? Что нам дорого — сочиненная, может быть, даже выстраданная кем-нибудь из нас та или иная концепция, или нам дорога по-настоящему правда и наша литература, которая не развивается без Маяковского и без правильного понимания Маяковского и не может развиваться? То, что в некоторых выступлениях звучало стремление опорочить оппонентов, что при этом выдергивались цитаты 20-летней давности, говорит о неблагополучии в ходе нашего обсуждения.

Т. Трифонова критикует доклад В. Друзина, который, сделав вывод о неудовлетворительном состоянии изучения творчества Маяковского, не сказал, сделано ли уже что-либо положительное в этой области или нет.

— Когда мы изучаем творчество писателя, работающего на рубеже двух эпох,— говорит Т. Трифонова,—писателя, который начал свою деятельность до революции и чья деятельность получила полный расцвет и развитие в советские годы, особенно важно точно определить задачу такого исследования и договориться о полной правдивости и прямоте каждого исследования. Ни в коем случае нельзя, говоря о творчестве целого ряда крупных писателей — А. Толстого, К. Федина, И. Эренбурга, даже А. М. Горького, — замазывать и скрывать те ошибки и те трудности, которые были на их пути.

Необходимо, прежде всего, глубоко и по-настоящему изучить отношение писателя, в данном случае Маяковского, ко всем событиям эпохи и воздействие этих событий на его творческое развитие.

Далее Т. Трифонова критикует выступления С. Трегуба, А. Колоскова и Л. Маяковской, характеризуя их как проявления групповщины, и положительно оценивает книгу В. Перцова.

— За то, что такое множество людей, наших товарищей, старых и молодых, вот уже в течение почти суток с коротким перерывом с таким кровным интересом, с такой яростной заинтересованностью слушают то, что здесь говорится, нужно еще раз низко поклониться великому нашему другу, который ушел от нас 23 года тому назад, Маяковскому! — сказал **П. Антокольский.**

В декабре 1935 года мы впервые прочли слова И. В. Сталина о том, что Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей эпохи. Он остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей эпохи и сегодня.

Переходя к задачам, которые стоят перед монографическим исследованием Маяковского, П. Антокольский говорит, что целью такого исследования должен быть показ органичности роста поэта, органичности того целого, которое называется «жизнь и творчество Владимира Маяковского».

Анализируя некоторые примеры из стихов Маяковского разных лет, П. Антокольский показывает постоянную демократическую и партийную направленность его поэзии.

П. Антокольский положительно оценивает книгу В. Катаняна «Маяковский — литературная хроника», считая, что в ней выполняется важнейшая задача собирания фактического материала о Маяковском.

— Пока не поздно, мы, старики, которые видели Маяковского живым, имели в жизни эту радость, — говорит П. Антокольский, — должны все, что помним, все записать и собрать. Пускай накопятся груды, нагромоздятся горы материала. Очень много зависит от того, чтобы это было сделано с максимальной тщательностью. Когда говорят «пушкиноведение», то имеют в виду не только ту или другую оценку произведений Пушкина, но и то, что благодаря пушкинистам известен каждый день жизни поэта. Если это было возможно сделать через сто лет после Пушкина, это необходимо сделать и по отношению к Маяковскому, чтобы показать его жизнь, как каждодневный, напряженный, никогда не иссякающий и очень нелегкий труд, не только труд поэта, но и агитатора.

Сколько поездок, сколько выступлений, сколько аудиторий!

Как можно об этом забыть! Как можно забыть, что творчество Маяковского — это не только писание стихов в четырех стенах, это еще, кроме того, ежедневное, ежевечернее произнесение их с трибуны, эстрады, сцены, кафедры, неустанная пропаганда того дела, которому Маяковский служил, и это первое, о чем следует помнить.

Далее П. Антокольский говорит о необходимости изучить проблему лирического героя Маяковского.

— Когда впервые было услышано:

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

— то в обывательской критике это было одним из поводов для того, чтобы упрекнуть Маяковского в тягчайшем из смертных грехов—гипертрофии собственного «я». Но разве не ясно, что Маяковский говорил не о себе, что он говорил о тысячеустом множестве, которое стояло рядом с ним и было совершенно подобно ему. Это и было рождением лирического героя Маяковского.

Именно такой поэт, как Маяковский, имел полное основание говорить от имени множественного и сильного лирического героя. П. Антокольский, характеризуя лирических героев других советских поэтов, напоминает стихи Тихонова:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить...

— Эта строфа раннего Тихонова рисует не только очень верный его личный портрет, но и изображение тех, которые стояли рядом с ним.

Мы услышали в один из суровых дней Отечественной войны:

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.

Это не биографическая справка, относящаяся к военному журналисту и поэту Суркову,—это точное изображение миллионов и миллионов советских людей сорокалетнего возраста, которые дрались с оружием в руках против фашистских захватчиков. Это лирический герой того поколения, к которому принадлежит Сурков.

Далее П. Антокольский разбирает стихотворение М. Луконина «Мои друзья». Тут тоже речь идет о большом лирическом герое, о лирическом герое не как о портрете или двойнике автора, а как о миллионах советских людей, которым было тридцать лет в годы Отечественной войны.

А. Метченко говорит о ненормальном положении, которое сложилось в деле изучения творчества Маяковского.

— Создалось такое положение, что ни один исследователь, который хочет написать о Маяковском, не может быть уверен в том, что его труд, как бы он ни был честен по замыслу и добросовестно написан, будет объективно оценен.

— Мне думается, — говорит А. Метченко, — что настала пора взяться за изменение климата в этой отрасли нашей науки. Надо создать плодотворную творческую атмосферу, атмосферу, при которой было бы содружество, а не взаимная склока, взаимопомощь, а не подсиживание друг друга. Передергивание цитат и искажение мыслей друг друга ни к чему полезному привести не могут.

А. Метченко, соглашаясь, что в книгах В. Новикова и В. Перцова есть недостатки, говорит, что в основе этих книг лежит верная концепция, и именно эта концепция стала предметом резкого и необъективного освещения со стороны некоторых критиков.

— Я не разделяю ряда положений в книге В. Перцова и в книге В. Новикова, — говорит А. Метченко. — Но я разделяю главное в этих книгах — это стремление не обходить сложные вопросы, нежелание все выравнивать по одной линии, а попытаться разобраться в сложном противоречии материала и показать главные тенденции в развитии поэта.

По мнению А. Метченко, книга В. Перцова, в основном,—ценное исследование, и то, что в ней есть ценного, то, что добыто трудом, останется.

Достоинством книги В. Новикова А. Метченко считает то, что в этой книге автор поставил главной своей целью показать огромную роль Октябрьской социалистической революции, огромную роль партии и ее политики в формировании Маяковского.

Касаясь работ С. Трегуба, А. Колоскова и статей некоторых критиков, А. Метченко говорит о неправильной концепции в этих книгах и статьях.

— Существовала ложная, рапповская точка зрения на Маяковского. Трегуб, Колосков и другие строят свою «концепцию» по принципу «наоборот». Но если вы возьмете ложную концепцию и противопоставите ей противоположную концепцию, не изучая обстоятельно творчества Маяковского, не изучая исторического, историко-литературного процесса, разве от этого получится истина?

Оратор решительно возражает против полемических приемов, состоящих в вытаскивании старых ошибок оппонентов, и говорит, что выступления такого характера имеют целью возрождение осужденных в статье «Правды» взглядов на творческий путь Маяковского.

Полемизируя с выступлением С. Кирсанова, А. Метченко говорит, что в характеристике отношений Ленина и партии к Маяковскому в первые годы революции он не хотел скрывать ни одного факта, так как, скрывая факты, не придешь к истине.

— И факты эти (свидетельство А. Луначарского, что В. И. Ленину не понравилась поэма «150.000.000»), приведенные в моей работе, — говорит оратор, — не дискредитируют Маяковского, так как следом за ними сказано, каким огромным событием в жизни Маяковского был отзыв Ленина о стихотворении «Прозаседавшиеся», и анализируется, как этот отзыв сказался на судьбе Маяковского и на судьбе советской поэзии, которая равнялась по Маяковскому.

А. Метченко полемизирует с редакционной статьей в «Комсомольской правде».

— Эта статья, — говорит А. Метченко, — ориентирует молодежь на то, чтобы обходить острые углы, обходить правду, если эта правда выступает в сложном, противоречивом виде, ориентирует молодежь на лакировку. Мы боремся против теории бесконфликтности во всех ее проявлениях, а в статье «Комсомольской правды» говорится, что исследователь не может пользоваться выражениями «но», «однако» и т. д., что можно говорить только «или—или». У кого автор статьи учился логике? Только не у Ленина! Например, в тот период, когда Горький допускал серьезные идейные ошибки, Ленин указывал на эти ошибки и в то же время говорил, что Горький, безусловно, крупнейший авторитет в деле пролетарского искусства.

Заканчивая свое выступление, оратор говорит:

— У Маяковского есть изумительные слова. Он мечтал о том, чтобы было побольше поэтов хороших и разных. Я думаю, что наше требование к себе и другим должно заключаться в том, чтобы писалось больше книг хороших и разных.

В. Огнев критикует книгу В. Новикова за проявленное в ней, по его мнению, полное непонимание искусства вообще и поэзии Маяковского в частности.

Далее оратор говорит о новаторстве Маяковского и его традиции в современной поэзии, отмечая, что преодоление «теории» бесконфликтности и унылого бытописательства в поэзии неотрывно связано с возрождением утерянной традиции Маяковского.

Переходя к характеристике творческого пути поэта, оратор говорит:

— В автобиографии поэта «Я — сам» имеется примечательное место об учителе живописи: «Лучший учитель. Твердый. Меняющийся». Этими же словами можно выразить и характер развития Маяковского — «Твердый», «Меняющийся».

«Твердый» — значит материалист, гуманист, демократ, революционер по самому своему существу. «Меняющийся» — значит растущий, примеряющий чужие одежды в молодости, увлекающийся, ударяющийся в крайности, но все более крепнущий талант, все более вызревающее мировоззрение. Вот одна точка зрения. Правильная. По-настоящему диалектическая. Другая же, эклектическая, хочет примирить непримиримое. Для нее в «меняющемся» потонул, растаял «твердый». В. Огнев критикует в этой связи статьи и книги В. Перцова, В. Новикова.

Он говорит, что вульгаризаторы понимают метод социалистического реализма, как некий раз навсегда данный эталон, который и накладывают поочередно на все этапы движущегося литературного процесса. Но если исходить из того, что Маяковский — основоположник социалистического реализма в поэзии (а не исходить из этого нельзя!), то, изучая творческую эволюцию поэта, следует говорить не столько о сложном пути его к социалистическому реализму, сколько о сложном становлении самого метода в поэзии. Это не значит, по мнению оратора, что начало и исток социалистического реализма в поэзии — первые строки, сочиненные Маяковским. В. Огнев считает своей ошибкой в статье, опубликованной в журнале «Новый мир», то, что он неточно сформулировал эту свою мысль.

Заканчивая выступление, оратор говорит:

— Много и охотно рассуждая на темы противоречий роста, мы забываем о противоречиях жизни, которые объективно выражал Маяковский на различных этапах своего творческого пути. Некоторые исследователи делают акцент на внутренних противоречиях личности поэта, переводя анализ в план субъективистских измышлений. Стараясь «очистить» Маяковского от страшных грехов, самими же ими выдуманных, такие исследователи так «очищают» поэта, что он остается без своих произведений, наедине со своими противоречиями или, в лучшем случае, с двумя зрелыми поэмами. В заботах о бесконечном приближении к «реализму» они «освобождают» Маяковского от всей его драматургии, обходят с опаской колючие кусты сатиры, ищут брода в любовной лирике... Это обедняет поэзию Маяковского, ценную именно остротой видения жизни в ее сложности и реальных противоречиях.

Наряду с верными критическими замечаниями по существу обсуждаемого вопроса В. Огнев в части своего выступления полемизировал со своими оппонентами развязно, без всяких к тому доказательств ставя под сомнение их научные труды.

Утреннее заседание 22 января открылось выступлением **Н. Реформатской.** Она указывает, что три книги незаслуженно были обойдены в докладе В. Друзина: Е. Наумова «Маяковский в первые годы советской власти», Б. Ростоцкого «Маяковский и театр» и Л. Фейгельман «Маяковский в странах народной демократии». Н. Реформатская подробно останавливается на последней книге и считает, что Л. Фейгельман, обстоятельно прослеживая значение Маяковского в становлении революционной славянской литературы, приходит к правильным выводам: для всех поэтов, прокладывающих новые революционные пути в области национальной поэзии, сближение с Маяковским в той или иной степени неизбежно и исторически закономерно. Это сближение неразрывно связано с общим влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции, с ходом самой революционной борьбы в данной стране и теми конкретными задачами, которые на данном этапе ее исторического развития ставятся перед литературой.

— На мой взгляд, — говорит Н. Реформатская, — в книге показано, что конкретные масштабы и формы идейно-художественного воздействия Маяковского на крупнейших революционных поэтов Чехословакии, Болгарии, Польши раскрыты с учетом индивидуального своеобразия их творчества. Маяковский в книге Л. Фейгельман рассматривается как поэт, который был воспринят поэтами стран народной демократии, как продолжатель великих традиций русской классической литературы, на которой учились и с которой были органически связаны крупнейшие представители славянской литературы XIX века. Лучшие славянские поэты нашего времени осваивают традиции Маяковского, не отрываясь от национальной культуры, а обогащая и углубляя революционные традиции национальной поэзии. Все это обосновано анализом обширного конкретного материала.

По мнению Н. Реформатской, серьезным недостатком книги Л. Фейгельман является невнимание к сатирическим традициям творчества Маяковского. Но книга в целом имеет большую познавательную ценность.

Далее Н. Реформатская говорит о необходимости нового издания полного собрания сочинений Маяковского. Присоединяясь к критике, которая была дана И. Эвентовым последнему, двенадцатитомному собранию сочинений Маяковского, Н. Реформатская указывает на текстологические ошибки этого издания, переходящие в дальнейшем во все последующие массовые издания, и говорит, что вопрос о подготовке и разработке нового, подлинно научного издания собрания сочинений Маяковского — настоятельная и неотложная задача.

В. Котов посвятил свое выступление опыту и традициям Маяковского в советской поэзии. Он полемизирует с утверждением А. Суркова, что «каждый по-настоящему советский поэт, в поэтическом образе воспроизводящий нашу советскую действительность,— соратник Маяковского и его творческий последователь».

— Если,— возражает В. Котов,—действительно все советские поэты, работающие сегодня, продолжатели традиции Маяковского, тогда не о чем беспокоиться, не за что бороться. Эта теория, по утверждению В. Котова, обрекает вопрос о продолжении традиции Маяковского и все развитие советской поэзии на самотек и не решает вопроса о подлинном продолжении традиции основоположника советской поэзии.

— Подлинная учеба у Маяковского и подлинное следование его традициям,— говорит оратор, — начинается там, где есть активное, боевое отношение к действительности, беспокойная хозяйская заинтересованность поэта во всем происходящем вокруг, где поэт вместе со всею страной живет ее радостями и болями, не только воспевает очередные успехи и победы своего народа, но и берется за них.

Поэт, занимающий созерцательную позицию по отношению к действительности, не продолжает традиций Маяковского в подлинном смысле этого слова, какие бы отдельные элементы влияния у него ни находили. Далее В. Котов критикует положение в современной поэзии.

— Говорят, что все продолжают дело Маяковского, а со страниц газет и журналов почти исчезла горячая поэтическая публицистика. Бороться с рутиной и гнилью, выжигать их каленым железом точного, образного, гневного, от сердца идущего слова,— разве это не традиция Маяковского, органично вытекающая из его активной позиции борца и строителя, традиция, от которой отошли многие наши поэты, не работающие, например, в жанре сатиры.

Разве пассивная, хотя и образная констатация и риторическое воспевание стихами трудов и подвигов нашего народа, какое мы видим во многих сборниках,— это продолжение традиций Маяковского?!

В. Котов считает, что в работе комиссии по критике в связи с обсуждением книги В. Перцова проявилось стремление к зажиму критики.

Далее он критикует низкий, по его мнению, теоретический уровень доклада В. Друзина.

Следует отметить, что в своем выступлении, говоря о традиции Маяковского, В. Котов походя, демагогически попытался столкнуть и противопоставить друг другу ряд широко известных народу поэтов: одних он аттестовал «подлинными учениками Маяковского», а других огульно охаял и столь же огульно отказал им в том, что они продолжают традиции Маяковского в советской поэзии.

Е. Тагер считает, что противопоставление двух якобы взаимоисключающих концепций творчества Маяковского искусственно раздувается спорящими сторонами. Он критикует существенный недостаток работ В. Перцова и В. Новикова. Этот недостаток — механистическое противопоставление сильных и слабых сторон в творчестве дореволюционного Маяковского. Так, скажем, в поэме «Облако в штанах» резко противопоставлены ее достоинства — жизнеутверждающий боевой оптимизм — ее «ошибкам» — теме трагического надрыва. Но в поэме звучит один голос. Это целостное, страстное и единое в своем существе произведение.

— Сила раннего Маяковского,—говорит оратор, — состоит в том, что гениальный юноша в своих поэмах сумел развернуть огромную социальную трагедию, трагедию человека, восставшего против всего мира капитализма — с его строем, моралью, религией, искусством. И вместе с тем это трагедия, исполненная величайшего революционного пафоса, так как за ней стоит революционная настроенность народных масс.

Переходя к проблеме стиха Маяковского, оратор говорит:

— За последнее время наметилась тенденция, не решая эту проблему, снять ее на том основании, что Маяковский является наследником великих традиций русской классической поэзии, а следовательно, и ее силлабо-тонической системы.

Е. Тагер полемизирует с некоторыми положениями статьи А. Абрамова о ритмике поэмы «Владимир Ильич Ленин». Он считает, что самый метод отыскивания в стихах Маяковского отдельных строчек ямба, хорея и т. д. порочен, так как подобные строчки приобретают совершенно другое звучание в ритмической системе Маяковского.

— Сближение стиха Маяковского с силлабо-тоникой вызвано опасениями, не произойдет ли в противном случае разрыв между Маяковским и классической традицией. Но продолжение традиции состоит в том, что стих Маяковского так же, как и классический, исходя из духа русского языка, стремится вобрать в себя все богатство живой, естественной речи.

В. Тимофеева (Ленинград) посвящает свое выступление языку и стилю Маяковского.

— Марровская теория «взрыва» языка отразилась на работах, посвященных языку Маяковского, выходивших в 30-е годы и начале 40-х годов. В этих работах говорилось о том, что Маяковский «разрушил» старый литературный язык и создал «новый» язык. Язык поэзии Маяковского анализировался в свете этого утверждения. В центре внимания исследователей стояло не то, насколько Маяковский обогатил язык поэзии, а ложно понимаемое языковое новаторство Маяковского.

В. Тимофеева считает необходимым пересмотреть вопрос о языковом новаторстве Маяковского в свете сталинского учения о языке. В этой связи она критикует книгу Г. Винокура «Маяковский — новатор языка», где основной смысл новаторства Маяковского сводится к «словотворчеству» и «речетворчеству».

До сих пор эти неверные работы не получили должной критики в печати.

Далее В. Тимофеева говорит о том, что при глубоком и всестороннем изучении языка поэзии Маяковского неизбежно придется сказать о противоречиях и чуждых влияниях, отразившихся в его ранних произведениях.

У молодого Маяковского были революционные устремления, он их хотел выразить в поэзии, но ему не сразу удалось найти соответствующую художественную форму, ему приходилось преодолевать влияние чуждой художественной формы. Даже на материале изучения языка произведений раннего Маяковского можно видеть, как быстро растет поэт, какое огромное значение имеют для его развития революционная действительность и воздействие — особенно на первом этапе — А. М. Горького.

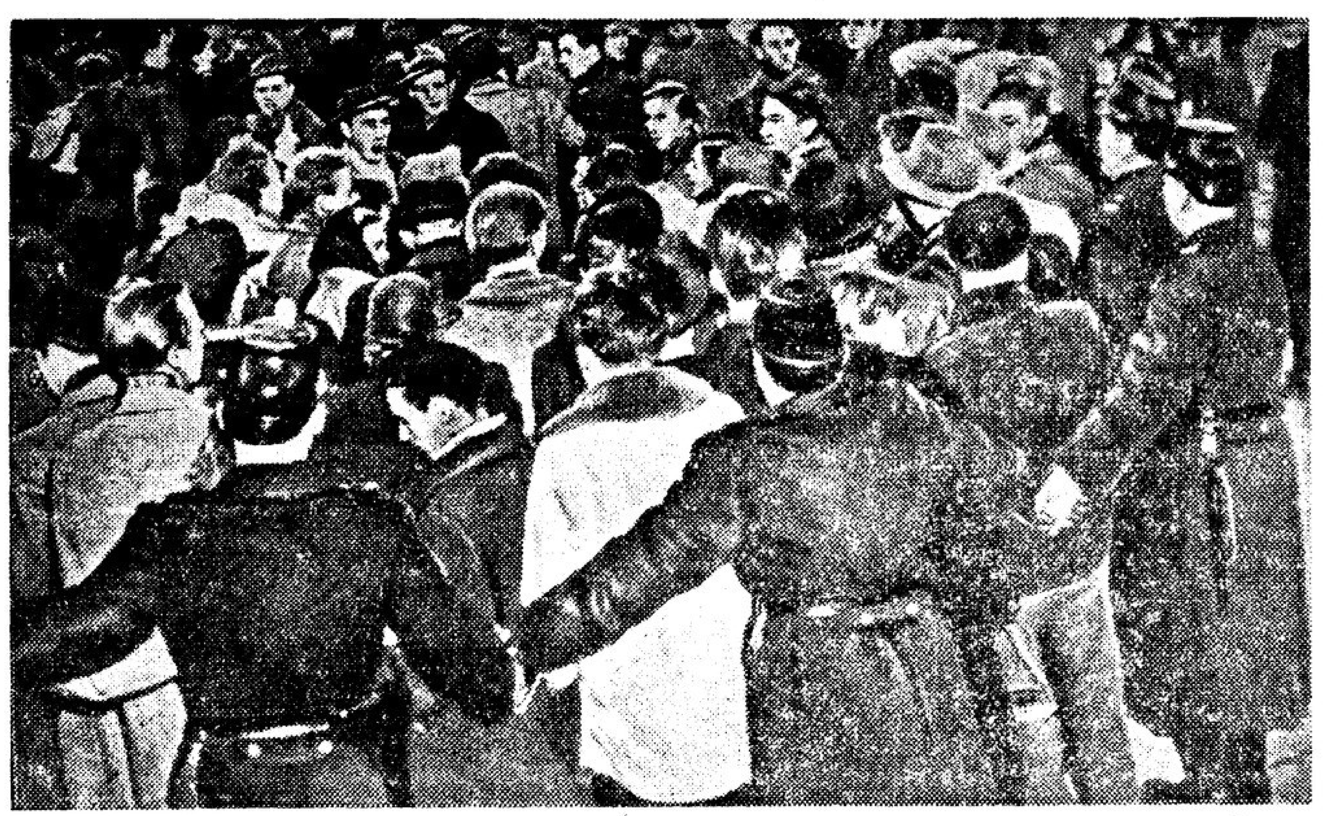
В последующие годы меняются его принципы работы над словом. В его стихах, написанных для РОСТА, мало сложных словечек, почти совершенно нет неологизмов. А разве эти стихи потеряли в своей выразительности? Нет, это была настоящая, большая школа в работе поэта над языком. Огромное влияние оказал на Маяковского язык трудов Ленина и Сталина.

В заключение В. Тимофеева полемизирует с теми, кто бездоказательно критиковал книги В. Новикова и В. Перцова. Она считает, что при недостатках книги В. Перцова в ней подробно освещается вопрос о связи молодого Маяковского с революционным движением, передовой литературой предоктябрьской эпохи, с Горьким.

Продолжение отчета о совещании будет опубликовано в следующем номере газеты.

* Продолжение. Начало см. в № 10 «Литературной газеты».

ПРОТИВ БОННСКОГО ДОГОВОРА!

Клика Аденауэра, поощряемая империалистами США, в последнее время усиливает кампанию за ратификацию сепаратного боннского договора. 19 января руководитель федеральной службы печати в Бонне фон Эккардт заявил, что боннские правители «полны решимости» как можно скорее приступить к обсуждению в бундестаге (парламенте) «германо-союзнических договоров», т. е. милитаристского боннского договора и парижского договора о так называемой «европейской армии».

В ответ на эти происки миллионы немецких патриотов включаются в движение протеста против сговора боннских реваншистов с американскими поджигателями войны. Как известно, в ходе народного опроса в Западной Германии уже более 15 миллионов человек высказались против сепаратного боннского договора. НА СНИМКЕ: массовая демонстрация протеста против ратификации боннского договора, устроенная населением Бонна перед зданием западногерманского бундестага.

Снимок из немецкого журнала «Нейе берлинер иллюстрирте»

Вилли ЛЕЙ,
немецкий поэт

Советский ансамбль поет в Берлине...

Был вечер... Устремили
Мы на эстраду взор.
О дружбе и о мире
Нам пел солдатский хор.

Рекою песня в зале
Широко разлилась,
И чистыми слезами
Блестели сотни глаз.

Я помню: старый токарь
Был песней потрясен.
Впервые голос братьев
Свободно слушал он.

Мальчишка с флагом синим
К артисту подбежал.
Солдат его, как сына,
Тепло к груди прижал.

Когда же имя — СТАЛИН —
Здесь, в зале, раздалось,
Тысячекратным эхом
Оно отозвалось.

И раздвигались стены,
И пели в лад сердца...
Росла святая дружба,
Которой нет конца!

Перевел с немецкого
Лев ГИНЗБУРГ

Виктор ВИЛЬЯМС,
австралийский писатель

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В АВСТРАЛИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Новым духом повеяло в австралийском искусстве, живительным духом рабочего движения.

Никогда еще не звучал в нашей литературе голос рабочих так, как звучит теперь. И хотя подъем только начинается, но его основы, его органическая связь с борьбой за мир предвещают такую мощь и размах литературного движения, каких мы не знали раньше.

Новый поток вливается в обмелевшую, пересыхающую реку современной австралийской литературы, заставляя ее изменить русло.

Этот процесс обновления самым тесным образом связан с общим ходом борьбы рабочего класса. Особенно четко мы увидели это в ту пору, когда делу рабочего класса в Австралии угрожала наивысшая опасность и борьба приобрела особенную остроту,—перед референдумом по поводу правительственного акта о роспуске коммунистической партии (22 сентября 1951 года). Песни, пародии, пьесы, стихи и рисунки служили действенным орудием в этой борьбе. По всей Австралии писатели взялись за дело, и не только молодые, начинающие, но и старые, уже «почившие на лаврах». А между тем многие ведущие литераторы Австралии, в том числе Фрэнк Харди, находились в это время в Берлине, на фестивале демократической молодежи. Растущее единство рабочего класса, сплочение всех сил перед угрозой фашизма и войны нашли себе выражение в искусстве, в его небывалой массовости и близости к народной жизни. Одна из самых популярных в то время народных песенок заканчивается словами:

Хотел бы я жить в мире и покое,
Но Мензис и Фадден хотят войны,
И потому я голосую: «НЕТ».

Подобных песенок ходило в то время тысячи, и авторами их очень часто были люди из среды рабочего класса, а не литераторы-профессионалы.

Период такой напряженной творческой деятельности миновал, но с тех самых пор идет в литературе упорный процесс объединения новых и старых творческих сил, крепнет связь ее с рабочим движением.

Это явление нельзя считать случайным. Начало ему было положено вполне сознательно. Еще во время войны наш товарищ Блэйк, в то время секретарь организации коммунистической партии в Виктории, уделял большое внимание вопросам искусства и, основываясь на мысли, что революционное искусство — необходимый элемент полноценного революционного движения, вел непрестанную политическую борьбу за развитие массового народного искусства. Он оказал помощь и поддержку Фрэнку Харди, тогда еще неизвестному начинающему писателю, и тем самым заложил основы Мельбурнского объединения писателей-реалистов. Это объединение выделялось из всех аналогичных литературных групп тем, что постоянно обращалось к рабочей аудитории за оценкой и критикой своей работы.

Агитация в художественных формах широко применялась во время кампании за посылку делегатов на берлинский фестиваль. Особенно ярко проявил себя в этой кампании мельбурнский танцевальный ансамбль «Юнити»; созданные им хореографические постановки явились частью борьбы за мир, против расовой дискриминации.

Выход в свет романа Фрэнка Харди «Бесславная власть» и широкая кампания протеста против преследований, которым подвергался после этого автор романа, по-новому осветили перед рабочими проблему искусства. Люди труда чувствовали боевую силу нового искусства и выступили на защиту писателя и его произведения, разоблачавшего врагов рабочего класса.

В июле 1951 года объединенные профсоюзы портовых рабочих Фримантла, готовя однодневную политическую забастовку протеста против заключения в тюрьму лидера докеров Джима Хили, выпустили листовку, содержавшую стихотворение «Большой Джим и Питер Лейлор». Вероятно, это был первый случай в Австралии, когда произведение искусства так непосредственно использовалось в качестве орудия борьбы.

Значительной вехой на пути развития австралийского искусства явился молодежный фестиваль мира и дружбы, состоявшийся в Сиднее в марте 1952 года. Здесь средствами искусства популяризировались идеи мира и дружбы. В различных художественных конкурсах, проводившихся во время фестиваля, выявилось много новых художественных сил. Любовь трудящихся к искусству и готовность защищать его проявились в единодушном возмущении сиднейских докеров, когда полиция попыталась воспрепятствовать выступлению в порту танцевального ансамбля «Юнити». Здоровое критическое чутье докеров сказалось в их недовольстве решениями жюри одного из конкурсов, руководствовавшегося в своих оценках критериями мелкобуржуазного, формалистического искусства. Люди труда заявили ясно и определенно: «Нам нужно боевое искусство».

И они не только требуют такого искусства: они начинают сами создавать его. В Сиднее уже немало рабочих-художников, рабочих-поэтов, сочиняющих стихи и песни, пусть иногда несколько примитивные, но полные силы и огня.

Дик Хеккет, докер-певец, с большим успехом исполняет песни собственного сочинения, призывающие докеров бороться за повышение заработной платы, за мир между народами. А вот еще характерный пример все растущей потребности художественного творчества среди трудящихся: когда австралийская профсоюзная делегация, находившаяся недавно в Советском Союзе, покидала Запорожье, двое из членов делегации выразили свои впечатления в стихах.

Все больше становится в Австралии поэтов и художников, умеющих использовать искусство, как оружие в социальной борьбе, и это—залог того, что народное искусство Австралии будет расти и крепнуть и выполнит свою роль в деле избавления народов от войн и от империалистического гнета.

В КВАРТИРЕ БУРЖУА

— Когда хочешь иметь у себя дома «великое» произведение современной скульптуры, то приходится мириться с неудобствами...

Рисунок художника Мориса Анри из французской газеты «Карфур»

Дерек КАРТЭН

ФАКТЫ О „ДЖОЙНТЕ“

Эта статья, разоблачающая подлинное лицо так называемой «благотворительной» сионистской организации «Джойнт», написана прогрессивным английским журналистом Дереком Картэном. Она опубликована в английской газете «Дейли уоркер» 21 января этого года.

Факты о деятельности «Джойнт дистрибьюшн комити» («Объединенный распределительный комитет». — **Ред.**), или просто «Джойнт», как его чаще всего называют, показывают абсолютную лживость утверждений о том, что это якобы международная организация помощи евреям и ничего больше. На недавнем пражском процессе и в сообщении об аресте в Советском Союзе группы врачей-вредителей «Джойнт» был разоблачен. Он является орудием американской разведки. Факты подтверждают это обвинение.

15 декабря 1949 года венгерское правительство обвинило директора отделения «Джойнт» в Венгрии, американца по имени Израиль Якобсон, в шпионаже и выдворило его из страны. В апреле 1950 года Якобсон выступил в качестве главного оратора на митинге, организованном сионистской организацией «Юнайтед Джуиш эппил» («Объединенный еврейский призыв». — **Ред.**) в Торонто (Канада), в помещении «Мэсси-холл».

На этом, а также на других собраниях сионистов, происходивших в Соединенных Штатах, Якобсон заявлял в своих выступлениях, что он гордится своими связями с подпольным движением в Венгрии. Якобсон ставил себе в заслугу то, что он будто бы «спас» многих евреев и отправил их в Израиль. Он похвалялся, что эти люди впоследствии вернулись в Венгрию, чтобы заниматься подрывной деятельностью. Он признал, что кардинал Миндсенти за две недели до своего ареста прислал ему конфиденциальную записку, в которой предсказывал, что венгерское правительство будет свергнуто в двухнедельный срок.

Миндсенти, уличенный в предательстве и других преступлениях, был заключен в тюрьму венгерским правительством. В числе документов, которые послужили уликами против него, был так называемый план «разрешения» еврейского вопроса, подписанный им собственноручно. В этом плане говорилось, между прочим:

«Большое счастье для нас, что огромный «резервуар» галицийских и буковинских евреев, миллионные еврейские массы, жившие в гетто, в результате прошлой войны были в значительной мере истреблены немцами и число их сократилось до каких-нибудь 500 тысяч».

Вот с каким человеком поддерживал тесный контакт сионист Якобсон!

Несколько лет тому назад «Джойнт» именовался полностью, как «Америкэн Джойнт дистрибьюшн комити» («Американский объединенный распределительный комитет».—**Ред.**). Потом слово «американский» было выброшено. Однако «Джойнт» и в настоящее время находится под контролем Американского еврейского комитета. Руководители этого комитета являются одновременно и руководителями «Джойнта». В Американском еврейском комитете господствуют крупные бизнесмены, представители таких семейств, как Уорберги, Моргентау, Лимэны, люди, состоящие членами многих других реакционных организаций в Соединенных Штатах.

Американский еврейский комитет послал своих делегатов на «всеамериканскую конференцию по борьбе с коммунизмом». Эта конференция состоялась в начале 1950 года в нью-йоркском отеле «Астор». В ней участвовали представители «Национальной экономической лиги». Это фашистская организация, которую возглавляет один из самых злобных американских антисемитов Мервин К. Харт. На конференции открыто распространялась антисемитская литература.

Организатором конференции был фашистский «Американский легион». В числе других ораторов выступал там и лидер Конгресса производственных профсоюзов Джеймс Кэри, заявивший: «В минувшей войне мы объединились с коммунистами для того, чтобы бороться с фашистами. В новой войне мы объединимся с фашистами, чтобы разгромить коммунистов».

Американский еврейский комитет ни словом не протестовал против этого гнусного заявления.

«Джойнт» всегда демагогически использовал ложь о «помощи евреям» в качестве ширмы для подрывной политической деятельности. Во время голода в России после революции 1917 года он действовал в качестве подсобного органа гуверовской «АРА» («Американской администрации помощи») — организации, которая, как уже теперь окончательно установлено, добивалась свержения советского правительства.

Недавно, на заседании «Джойнта» в Нью-Йорке, был утвержден бюджет на развитие деятельности этой организации в размере 25 миллионов долларов. Этот бюджет является обычным для «Джойнта». Известно, что большинство этих средств расходуется на так называемые «административные нужды», отнюдь не связанные с благотворительностью.

В Советском Союзе деятельность «Джойнта» была запрещена. На протяжении последних лет «Джойнту» был прегражден доступ и в страны Восточной Европы. Пражский процесс и сообщение об аресте в Советском Союзе группы врачей-вредителей лишний раз подтвердили факт, вскрытый венгерским правительством: «Джойнт» является орудием американской разведки, используемым для подрывной заговорщической деятельности против стран социализма. Недаром он так тесно связан с Уолл-стритом.

ЛОНДОН, 23 января. **(По телефону)**

Акад. Е. ТАРЛЕ

Вопреки здравому смыслу

Перед войной 1939—1945 гг. империалистические круги США были заняты разработкой агрессивных планов против Советского Союза. Они вскармливали гитлеровский фашизм, стараясь направить его экспансию на Восток.

В целях маскировки этих планов, отвлечения от них общественного мнения, в США широко издавались книги исторического и публицистического содержания, в которых обсуждались различные пути американской внешней политики.

Готовя новую мировую войну, американские империалисты и их идеологические прислужники—реакционные американские историографы с откровенным цинизмом приспосабливают оценки прошлого и настоящего к требованиям агрессивной политики, направленной на завоевание мирового господства: прошлое Америки якобы должно дать убедительную аргументацию, показывающую, что испокон веков «юная, могучая поросль великого англо-саксонского племени» была предназначена отстаивать цивилизацию, этику, религию и другие ценности от «низших» рас, а прошлое русского народа, пусть вопреки фактам, должно дать развернутые доказательства будущего крушения Советского Союза. При этом, разумеется, реакционные писания прикрываются демагогической миролюбивой фразеологией.

Начнем с книги, анализ которой напрашивается сам собой: она посвящена общей характеристике американской дипломатии и принадлежит перу пресловутого Джорджа Кеннана. Книга написана им до последних его похождений и в 1952 г. вышла в издательстве Чикагского университета четвертым изданием. Называется эта книга «Американская дипломатия 1900—1950».

В книге Кеннана мы находим мысли, типичные для шаблонных агитационных писаний апологетов американского империализма, направленных против СССР. Часть книги Кеннана называется «Корни советской политики», и центральной мыслью этой части является построение наиболее ценного для Кеннана силлогизма: главной причиной невозможности построить мирные и дружеские отношения между Америкой и СССР является излишняя «подозрительность» советских людей и чрезмерное развитие деятельности органов государственной власти, охраняющих «железный занавес» от постороннего вмешательства и любопытства. В свете тех новейших фактов, которые показывают, как Кеннан понимал свои дипломатические обязанности по отношению к стране, где он был аккредитован, особенно курьезно звучат сердечные призывы бывшего посла к доверию. Вообще, по его мнению, вражда США по отношению к СССР— это «полумиф». И тут же, забывая свои только что высказанные суждения, Кеннан почтительно благодарит божественное провидение за то, что оно будто бы внушило американскому народу «спасительный страх» перед «угрозами» со стороны Советского Союза. Эти «угрозы», по мнению Кеннана, заставят Соединенные Штаты понять, что «вся их безопасность» и безопасность Европы зависят от усилий в борьбе против СССР, причем «лидерство» в этой борьбе должно принадлежать именно Соединенным Штатам. Очень характерно все, что Кеннан говорит о Германии: он расценивает ее историю во всю первую половину XX века прежде всего с точки зрения полезности и пригодности Германии для борьбы против России.

Не только Германия, но и другие страны интересуют «ведущих» историков и публицистов Америки исключительно с этой именно точки зрения. Много писалось и пишется, например, о Китае, его прошлом и настоящем.

Книга профессора истории Фостера Даллеса «Китай и Америка», изданная Принстонским университетом в 1946 г., излагает историю американо-китайских отношений, начиная с 1784 г. до 1946 г. Вся долгая история американских насилий над китайцами, гонения на китайскую иммиграцию, доводившие китайцев до разорения, нищеты, изгнания, самоубийств, оправдываются «упорством китайцев в сохранении собственного образа жизни, порождающего раздражение и опасения в калифорнийском населении». Активное участие Америки в ограблении Китая после боксерского восстания объясняется желанием США якобы «оградить» интересы Китая, а вовсе не стремлением урвать свою часть добычи у европейских конкурентов. На последних страницах книги автор призывает к превращению Китая в «колоссальный рынок для американских товаров», и (как бы в награду за это) Китаю обещается положение «ведущей державы» в Азии.

«Идеологические» предпосылки обширной американской агитационной литературы о Китае даны в вышедшей несколькими изданиями на английском языке книге «самого» Чан Кай-ши «Судьба Китая». В этом творении мы видим попытку одновременно доказать два взаимно уничтожающих друг друга тезиса: во-первых, что Чан Кай-ши и его клика ведут борьбу во имя охраны старинных добродетелей, во имя священной философии Конфуция и Лао Цзы и возвращения крестьянства к «феодальному повиновению» и во имя изгнания «чужеземной порчи»; а во-вторых, во имя тесной дружбы с «чужеземцами хорошими», т. е. американцами, против «чужеземцев предосудительных», вроде тех, которые отравляют китайцев учениями «чуждой партии». Вся эта тупая, крайне претенциозная галиматья служит в Америке больше для беглых ссылок на нее, а не для точных цитат. Прогрессивные китайские писатели, такие, как Мао Дунь, борются теперь уже не с этим затхлым старьем, а непосредственно с американскими фальсификаторами истории Китая.

Для направления, господствующего в настоящее время в американской историографии и публицистике, посвященной Японии, очень характерна книга Эдвина Рейшауэра, выпущенная ведущим Гарвардским университетом США: «Соединенные Штаты и Япония» (1950 г.). Руководящая мысль автора может быть сформулирована так: в настоящее время народы Азии переживают беспокойный период, ибо «Азия охватывается политической и социальной революцией». Главным рычагом этой назревающей, а отчасти и осуществленной революции будто бы является «национализм в самом узком значении слова, который стал движущим фактором в Восточном мире».

Автор предисловия к книге Рейшауэра Самнер Уэллес пишет: «Я не знаю более унизительного провала в недавней истории американской дипломатии, чем действия американской политики в Китае в последние четыре года». Да, провал полный. Но— есть выход, есть спасение! Это спасение, указывает автор, — Япония, потому что в Японии создается теперь твердыня против советско-китайского союза. История Японии до второй мировой войны и во время ее, как считает Уэллес,—это серия грубых, губительных ошибок. Но теперь, после 1945 г., Япония, по его мнению, доказала, что она умеет понимать свою вину и свой долг. Этот долг — борьба против Советской России и Китая. Исполняя предначертанный «моральным законом» (?!), а также Трумэном и Ачесоном долг, Япония,— сулит Уэллес,—получит за это награду: Сахалин и Курильские острова.

По мере того как развиваются события в Корее и обостряются противоречия между американскими и английскими интересами на юге — в Гонконге, в Сингапуре, на Филиппинах, растет интерес империалистической историографии в США к истории стран, омываемых Индийским и Тихим океанами. В этой связи следует упомянуть книгу о Филиппинах, появившуюся в 1950 г. Хотя история сношений американцев с Филиппинами начинается с насильственного захвата этих островов Америкой в 1898 г., после испано-американской войны, и продолжается с тех пор восстаниями туземцев и усмирительными «подвигами» захватчиков, но упомянутая книга носит необыкновенно характерное название: «Американские апостолы на Филиппинах». Этими «апостолами» и являются доблестные завоеватели и колонизаторы: Джордж Дьюи, разгромивший испанский флот, что и повело к оккупации несчастных островов американцами; Фредерик Фэнстон, «прикончивший восстание филиппинцев взятием в плен генерала Агвинальдо»; Тафт, организовавший управление захваченными островами; Леонард Вуд, «восстановивший благопристойность и доверие к правительству Филиппин после периода дурного управления», причем читателю не сообщается, при котором же именно «апостоле» все-таки, значит, было «дурное управление». Есть и еще несколько «апостолов». Более наглого издевательства над исторической правдой и более оскорбительного отношения угнетателей к ограбленным жертвам, чем эти елейные восторги перед «апостолами» грубейшего империалистического грабежа, нельзя себе представить.

Таков этот до курьеза бесстыжий мнимоисторический памфлет.

***

Крутое усиление реакции во всем капиталистическом мире невероятно снизило былой научный уровень буржуазной историографии.

В этой краткой газетной статье мы остановились лишь на нескольких, сравнительно недавних работах реакционных авторов, характеризующих современную американскую историографию. Наши исторические журналы совсем не следят за такого рода американской продукцией. А между тем в их задачи входит подвергнуть всю эту злобную мнимонаучную писанину серьезному анализу и уничтожающей критике.

Клевета, фальсификация исторических фактов, самое дикое извращение их щедро вознаграждаются американскими боссами. И «ученые» лакеи империализма, прикидываясь, будто верят в пропагандируемый ими вздор о Советском Союзе, Китае, о филиппинских «апостолах», об атомной луне, пишут, пишут, пишут, стремясь развратить сознание американского народа, опутать его ложью.

По страницам печати

«Шанхай ньюс» — Китай;
«Трибуна люду» — Польша.

Пекин на стройке

Строится и украшается столица Китайской Народной Республики Пекин.

«Сотни способных художников, плотников и каменотесов,—пишет газета «Шанхай ньюс»,—**с искусством, передававшимся из поколения в поколение, работали над восстановлением и украшением ворот Тяньаньмыня на центральной площади города. И теперь темнокрасный цвет и позолоченные орнаменты придают им великолепный вид».**

В столице вырастают новые жилые кварталы, магазины, школы и общественные здания. За последние три года построено более 130 километров новых асфальтовых дорог. Количество трамваев выросло в 5 раз, а автомашин — в 20 раз. Более полутора миллионов пекинцев впервые пользуются водопроводом. Повсюду проводится электричество. Шестьдесят процентов улиц города, тонувших во мраке по вечерам, залиты теперь светом.

В окрестностях Пекина, у подножия Сишань—Западной горы,—создается университетский центр. Здесь будут новый университет, техникумы, педагогический и научно-исследовательский сельскохозяйственный институты, студенческие общежития.

«Только в одном университете Цинхуа, — сообщает «Шанхай ньюс», **— уже сделано более 43.000 квадратных метров настила — почти половина объема работ за последние 40 лет со дня его существования. Площадь находящегося здесь Народного университета увеличится с 90 гектаров до 270 гектаров».**

Пекин превращается и в промышленный центр страны. Много новых предприятий и фабрик выстроено на его юго-восточной окраине. Все эти работы — лишь начало гигантского плана обновления и строительства столицы нового Китая.

Шпионы из архиепископской курии

«Нельзя терпеть центры враждебных происков против народа». В статье под таким названием газета **«Трибуна люду»** пишет о преступной деятельности разоблаченных ныне агентов американской разведки — ксендзов из Краковского архиепископства. Прикрываясь духовным званием, ксендзы Лелито, Шимонко, Бжыцкий и другие проводили экономический, политический и военный шпионаж. Вся их деятельность осуществлялась в интересах американских империалистов и Ватикана.

«В кабинеты архиепископа и епископов Кракова, где всегда царил мрак, — пишет «Трибуна люду», **— проник свет. Верующие считали, что там говорят и думают об удовлетворении их религиозных чувств. На самом деле в этих кабинетах Краковской архиепископской курии составлялись шпионские рапорты и донесения».**

Американские империалисты не останавливаются ни перед какими преступлениями в своей шпионско-диверсионной деятельности, направленной против польского народа. Факты и события только последнего времени: разоблачение руководства так называемой делегатуры ВИН, поимка диверсантов, сброшенных на территорию Польши с американского военного самолета, и многие другие, показывают, что американские империалисты не оставляют своих попыток сорвать мирное строительство польского народа.

«Американские империалисты, — пишет в своей передовой статье «Трибуна люду», **— при помощи неогитлеровских ватаг стремятся лишить нас независимости и заковать в кандалы империалистического рабства».**

Но, как подчеркивает газета, крепнущее с каждым днем единство польского народа, повышенная бдительность во всех областях жизни служат гарантией того, что и в дальнейшем американские доллары, ассигнованные правительством США на подрывную деятельность в странах народной демократии, пропадут без толку.

Маяковский во Франции

В конце 1952 года прогрессивное парижское издательство «Эдитёр франсэ рэюни» выпустило однотомник избранных произведений Маяковского в переводах Эльзы Триоле. Выход в свет этого сборника был расценен прогрессивной критикой, как одно из значительнейших явлений во французской литературе истекшего года.

Поэт Жак Гошерон писал в газете «Юманите» в статье «Маяковский — гигант поэзии»: «...Из огромного творчества Маяковского нам было известно до сих пор несколько блестящих отрывков. Впервые французскому читателю дается большой выбор его стихов, поэм и прозы — всего около 400 страниц».

Газета «Леттр франсэз» опубликовала в связи с выходом однотомника две большие статьи. В статье Пьера Дэкса «Владимир Маяковский — поэт, разведчик будущего» подчеркивается актуальность произведений великого поэта, их устремленность в грядущее. «От первой до последней страницы книги,— пишет Пьер Дэкс, — мы чувствуем, что голос, обращающийся к нам, принадлежит человеку, стоящему рядом с нами».

В статье «Пример Маяковского» молодой французский поэт Жак Дюбуа останавливается на том значении, которое имеет творчество Маяковского для развития прогрессивной французской поэзии. «Книга «Маяковский, стихи и проза», — пишет Жак Дюбуа, — вышла весьма своевременно, именно в тот момент, когда ставится вопрос о будущем французской поэзии. Маяковский поможет нашим поэтам разрешить стоящие перед ними задачи».

Прогрессивный литературно-критический ежемесячник «Нувель критик» опубликовал в первом номере за 1953 год статью «Маяковский сегодня».

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01204.